

DIGITAL BOOK

ТЕРЕЗА ТУР

ПАМЯТЬ
ПЕПЛА

ИМПЕРИЯ ТИГВЕРДОВ

ИДДК

Тереза Тур
Империя Тигвердов.

Память пепла

Серия «Империя Тигвердов», книга 4

Серия «Колдовские миры»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36850615

Аннотация

Он думал, что спасает девушку от себя...

Но Стихии решили по-другому, и теперь он спасает ее от него, его от себя, и вместе они спасают Мир! Мир, до которого ему нет никакого дела, провались оно все в Пустоту!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	42
Глава 4	67
Глава 5	89
Глава 6	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Тереза Тур

Империя

Тигвердов. Книга 4

Память пепла

Глава 1

Паша вышел из метро, сияя радостной улыбкой отчаянно соскучившегося человека. Невский!

Признаться, он скучал по Питеру в чинном, упорядоченном Роттервике. Молодой человек обвел глазами шумный проспект, стараясь впитать в себя все сразу: гомонящую многоязычную толпу туристов, парочек, идущих мимо строгого, словно недовольного современными нравами Казанского собора...

И даже начинающийся дождь вместе со шквалом ледяного, долетевшего с Невы ветра, не испортил ему настроения. Он уже шел мимо художников, предлагающих пейзажи города, портреты и натюрморты с фруктами и цветами. Яркие краски, маленькие складные стульчики, доброжелательные, но немного грустные лица творцов всей этой красоты.

Пашка очень торопился, когда взгляд против воли заце-

пил небольшой прямоугольный холст. Кубок, наполненный спелыми ягодами малины. Шпага. Эфес инкрустирован рубинами в тон ягод, поблескивающих на солнце. Оба предмета явно имперские, но в этом как раз не было ничего удивительного. Многие люди, а особенно натуры творческие, ходят во сне по империи. Как Тая. Ей бы, кстати, понравилось.

Денег в кармане было достаточно. Он же чуть ли не принц. Пауль Ре колебался лишь мгновение.

Мрачные мысли не давали покоя. Усилившийся дождь смыл остатки хорошего настроения, которые стремительно таяли по мере того, как приближалось время встречи. Что он скажет Тае? Ничего. Будет врать. Врать другу. До этого соратника по шпаге подводить не доводилось. Никогда.

Но сейчас другого выхода просто нет. Приказ императора Тигверда. Придется сказать Тае, что ей стало плохо во время тренировки. И все. Ничего не было. Ни людей в старинных одеждах, ни мужчины, которого девушка видела во сне. Она не читала, рыдая, стихи, и ее зов не вырвал из бездны миллорда Милфорда... Чушь!

Предательство по отношению к другу и долг по отношению к империи. Вот попал...

Юный Тигверд со свертком под мышкой спускался по ступенькам подземного перехода, отряхиваясь, как пес. Мысли все еще рисовали перед глазами образ смуглой художницы. Хорошо, что ему незаметно удалось сунуть в шершавую ладонь в два раза больше. Уж очень рваная на пожилой женщи-

не была одежда. Старая цыганка-художница. Просто абсурд!

Интересно, где Таю застала непогода? Рука потянулась за мобильным, как вдруг он услышал отчаянный плач скрипки. И голос:

*Вы когда-нибудь пили вино черных ягод
Лозы, напоенной лишь кровью погибших в бою?
А я пил...*

Странно. Мужской голос казался знакомым. Паша помотал головой, думая, что ему мерещится. Вот уж кому в подземном питерском переходе взяться было неоткуда, так это...

*Вы когда-нибудь слышали голос любимой
Сквозь ритм безумного пульса бурлящей крови?
Умерев...
Вырывались из рук ледяных пьяной Смерти,
Бросающей кубок, звенящий от страха,
К застывшим ногам...*

Паша развернулся, ища глазами играющих в переходе музыкантов.

Скрипача он не знал. Сгорбленный пожилой дядечка с застывшим выражением нестерпимой, но привычной боли на лице баюкал на плече старую, с потускневшим лаком скрипку. Несчастная нежно и безнадежно стонала, будто вспоми-

ная о ком-то, кто уже никогда-никогда не вернется.

Сердце защемило. Голос певца стал громче. Песня торжественно плыла по подземному переходу:

*Черные кубки
Цветущих тюльпанов,
Глядящие в неба империи
Яркую синь!*

Сомнений не осталось. Перед Паулем Рэ Тигвердом был Эдвард Грегори Шир, милорд Милфорд. Начальник имперской контрразведки. В отставке. Или в отпуске, кто его поймет. Поющий, грустный, и... живой!

Милфорд сидел прямо на бетоне, скрестив ноги. Длинные волосы упали на лицо, отгораживая от остального мира. Шляпа надвинута на лоб, пальцы, выглядывая из дырок вязанных перчаток, перебирали струны потертой гитары.

Гитара, скрипка, шляпа, шарф... Лето же! И вообще, где Милфорд достал этот прикид, да еще и компаньона себе нашел! И песня эта... Красиво...

Перед исполнителями лежал раскрытый скрипичный футляр. Пыльный, со сломанными замками. Как только последние звуки стихли, слушатели стали подходить, щедро одаривая музыкантов. Некоторые не таясь вытирали глаза.

Скрипач раскланивался, благодарил. А Милфорд сидел, никого не замечая, лишь меланхолично пощипывая струны гитары.

Пашка отмер, скидывая магию, которой поддался вместе с теми, кто прятался здесь от дождя. И громко позвал:

– Милорд! Милфорд!

Старик глянул на него недовольно. А начальник контрразведки империи Тигвердов произнес вяло, без эмоций:

– Добрый день, юный Тигверд. Чем обязан?

Головы при этом уличный бард не поднял.

– Я... у меня встреча, – растерялся Пашка. А потом выпалил: – Что вы здесь делаете?

– Отдыхаю.

Теперь в голосе слышалась явная насмешка.

Паша хотел ответить Милфорду в матушкином стиле: «Странное у вас понятие об отдыхе». Но не осмелился.

– Правильно, – одобрил Милфорд, словно прочитав мысли молодого человека.

– Мы переживали.

Начальник контрразведки рассмеялся. Получилось невесело.

– Со мной все в порядке. Мы с мэтром песенки поем. Народ веселим. На выпивку и еду хватает. А теперь извини, юный Тигверд. Надо работать.

Несколько аккордов, плач скрипки:

*Там, где закаты машут рукой,
От страсти русалочьей веет тоской!..*

– Пашка! – раздался звонкий голос Тай, с легкостью перекрывший гул перехода и музыку. – Ну ты даешь! Песни слушаешь! Договорились же...

Гитара, жалобно застонав, смолкла. Милфорд перестал петь. И замер. Только руки судорожно сжали гриф. Скрипка тоже стихла, будто почувствовала.

Молодой маг реакции Милфорда не заметил. Он смотрел на Таю. Небесно-голубое платье в цветочек. Пышная юбка, белые кеды, две косы, заплетенные до середины и ничем не перехваченные. Какая она... Красивая! Он ведь ее только на тренировках и видел раньше.

– Прости. – Пашка понял, что девушку надо уводить. И как можно скорее, пока она не поня...

– Ты... – прошептала девушка, не сводя взгляда с Милфорда. – Ты!

Милорд поднял голову. Глаза из-под нависших невымытыми сосульками волос вспыхнули пронзительно-синим.

Они смотрели друг другу в глаза около минуты. Паше казалось, что еще чуть-чуть, и та сила, что рождалась между этими двумя, станет небезопасна для окружающих. Он попробовал сделать шаг вперед:

– Тай...

– Не подходи! Слышишь?! Не подходи ко мне!

И она бросилась бежать. Перед тем как выбежать наверх, девушка крикнула:

– Никогда тебя не прощу!

Парень бросился за ней.

– Тая!

Милфорд вскочил, передал гитару скрипачу. И остановился.

– Зачем... – прошептал он сам себе.

– Иди за ней. Не глупи! – строго прохрипел старик. – Жизнь коротка. И ты можешь не успеть ахнуть... Как всё...

Словно в ответ на его слова над головой раздался крик. Резкий визг тормозов.

Маг уже летел вперед, понимая, что опоздал.

– Что творится!

– Девочку схватили!

– Мотоциклисты! Прямо на ходу!

– Среди белого дня!

– А мальчик? Молодой человек-то живой хоть?!

Милфорд, протолкнувшись, обнаружил Пауля Тигверда лежащим на асфальте. Кровь тонкой струйкой текла из пробитого виска.

* * *

Легкий ветерок тихонько подлетел к приоткрытой створке окна, покачался на занавесках, шмыгнул в комнату, поиграл синими цветочками у кровати, где спали мужчина и женщина.

Длинные серебристые волосы мужчины, широкие плечи и

шрам во всю спину, пышные формы обнаженной женщины с тяжелой косой цвета меда...

– Куда делось одеяло? – пробормотала она. – Я точно помню – оно было!

– Убежало? – улыбнулся мужчина, не просыпаясь.

– «И подушка, как лягушка, ускакала от меня!»

– И ей не спалось?

– Как я помню, там дело было в другом... А я замерзла!

– Так я тебя согрею...

– Рича-а-рд! Мы же хотели выспаться!

Ветерок отлетел подальше от этих двоих, тронул на прощание алый шелк платья, брошенного на спинку кресла, и улетел.

– Ника!

Женщина улыбалась, глядя мужское плечо.

– Рядом с тобой я чувствую себя ненасытным чудовищем, – пожаловался вдруг муж.

– Почему ж чудовищем? – тихонько рассмеялась Вероника. – Хорош. Эротичен. Брутален... И – весь мой!

Ричард усмехнулся.

– А еще танцует. В том числе – танго. Эх... Сама себе завидую, сама себя к тебе ревную.

– Танцы! До встречи с тобой я и не предполагал, что буду делать это добровольно, да еще и получать от этого удоволь-

ствие.

– По тебе не скажешь. Двигаешься ты...

– Сама себе завидуешь? – Одной рукой мужчина подпер щеку, другой провел по медовым волосам.

– Точно!

– Знаешь... Мне нравится этот мир.

– Мне тоже. Такой беззаботный. Легкий.

– Или кажется таким...

– Стараются нам понравиться?

Их разговор прервали – кто-то, кто явно чувствовал себя несчастным и брошенным, требовательно скулил за дверью.

– Фло, – поднялся мужчина и быстро оделся. – Мы про него и забыли. Я его выведу. Поспи еще.

Женщина улыбнулась. Потянулась за поцелуем, и...

– Вызывают. Совещание.

Ника знала этот взгляд. Мыслями муж был уже далеко. В серьезных проблемах общеимперского масштаба, требующих немедленного разрешения и личного присутствия.

Рассеянный поцелуй в щеку все же состоялся, после чего его высочество ненаследный принц Ричард Фредерик Рэ Тигверд исчез в мареве портала.

– Вот так и живем... Не ждем тишины, – пропела Вероника.

Одежду этого мира, морского и вольного, она любила больше, чем чинные и неудобные платья империи. Днем –

светлые юбки по щиколотку, легкие блузки и соломенные шляпки немыслимой красоты. Вечером – алые платья с воланами, живые цветы в волосах. И легкое, ароматное вино!

Переодевшись, Вероника пошла готовить себе и щенку завтрак.

– Фло! Кушать! – Пес прибежал, неся в зубах соломенную шляпку... немыслимой когда-то красоты...

– Фло! Ай-яй-яй.... Это потому, что в поместье тебя избаловали до безобразия! – вздохнула хозяйка, накладывая в мисочку вкусную гречневую кашу с печенкой.

Принц посмотрел на нее с укоризной. Ну вот как не стыдно наговаривать на него, бедного? И произносить такие жестокие слова.

– Не смотри на меня так... Ешь! И пойдем гулять.

Ника пила кофе. В этом мире его варили со специями. Напиток получался жгучим, терпким, бодрящим. Еще ей нравился ярко-оранжевый хлеб и белый, мягкий сыр.

Все это было очень вкусным, но... Что-то скребло внутри. Что-то не давало покоя. Что?

Муж... Она его знает! Знает каждую искорку в черных глазах. И та, что вспыхнула перед тем, как Ричард ушел, ей не понравилась...

Что-то звякнуло. Фло принес поводок.

Пока она вспоминала, как они с Ричардом танцевали на побережье, Флоризель Тигверд носился по пляжу... Его вы-

сочество бегал за чайками, взметая тучи песка длинными ушами.

Он погуляли по пляжу и свернули в город.

Узкая улочка, мощенная желтоватыми камнями, вилась меж белоснежных домов, выгибаясь, будто спина недовольной кошки.

– Дарри! Дарри! Подожди! Я с тобой!

Голос какой-то девочки – испуганный, отчаянный. Вероника резко остановилась. Флоризель дернул поводок и тоже обернулся.

Девочке на вид было лет десять. Шляпка, белокурые локоны. Не ребенок – ангел. Да и мальчик – явно брат, на пару лет постарше – был ей под стать. Вот только разговор у них... Словом – те еще ангелы... Вероника прислушалась.

– Ты чего ко мне прицепилась? Иди домой, Элл! Живо! – шипел мальчишка.

– Не хочу здесь оставаться! Хочу уплыть и найти папу!

– Глупости! Его нельзя найти!

– А вот это не твое дело! Ты сказал – нужны деньги. Я их достала! Не возмешь меня с собой, я... Я маме все расскажу!

– Элл... Деньги откуда? Где ты их взяла?

Девчонка перестала хватать парня за руку. Отступила. Насупилась.

– Только не говори, что утащила их у мамы?!

– А что? Ты же в пираты решил податься. Тебя юнгой берут! А пиратам грабить полагается!

– Но не маму же!

Вероника потихоньку спустила с поводка Флоризеля. Умный пес, сделав вид, что растерялся, потерялся и вообще сейчас погибнет в цвете лет, – тут же потрусил к детям.

– Смотри! – пискнула девочка, мгновенно превратившись из злого пирата обратно в ангела.

– Ух ты! Какой! – мальчик улыбнулся. Просто и искренне.

Фло величественно кивнул. Боднул под руку мальчишку, уткнулся башкой в девчонку. И вздохнул. Тяжко. Ну и когда гладить и жалеть начнут? Ох, и плохо же двуногие поддаются дрессировке...

– Давай его себе заберем! – воскликнула девочка, забыв, что только что собиралась бежать.

– Мама не разрешит, – вздохнул мальчик. – К тому же мне пора.

– Дарри! Как же мы без тебя? – всхлипнула девочка.

– Элл, перестань.

– И мама... Что я ей скажу?!

– Добрый день! – Вероника подошла, помахивая поводком. Фло радостно бросился к хозяйке, будто месяц не видел. Артист!

– Ой! – хором сказали дети.

– Вы нашли мою собаку, как вас отблагодарить?

– Нам ничего не надо, – выпрямился мальчишка.

Ой, что-то подобное в исполнении Рэма она уже неоднократно имела удовольствие лицезреть... Знаем, плавали!

– Может, мороженное?

Десять и двенадцать лет... Замечательный возраст! Или в пираты, или по мороженому... В принципе равнозначно. Так что несколько минут спустя они уже сидели вчетвером около фонтана и болтали за жизнь.

– Но почему в морские разбойники-то? – горячилась Ника.

– Это круто!

– Что именно? Первое, что тебе прикажут сделать – взять кинжал и зарезать какую-нибудь девчонку. Такую же, как Элл. Сможешь?

– Зачем? – обомлел Даррин.

– Для того чтобы быть уверенным в твоей преданности. Это ритуал пиратов – пролить невинную кровь. Они должны убедиться, что ты выполнишь любой приказ. Не остановишься ни перед чем. Что в тебе нет ни сострадания, ни жалости.

– А вы откуда это знаете? – быстро спросила Элл.

– Я преподаватель истории. И все про всех знаю.

– А...

И столько разочарования в голосе...

– Даррин! – раздался рядом недовольный мужской голос. – Ты почему не явился на корабль? Он уже ушел.

Мальчишка покраснел. И опустил голову.

Вероника оглядела вербовщика. Молодой. Несколько волосков на подбородке, символизирующих мужественную щетину, да тоненькие усики над верхней губой.

– С кем это ты?

– Представьтесь, пожалуйста, – поднялась Вероника.

Парень застыл. Вороватый взгляд узких глаз быстро окинул ее с ног до головы, задержался на перстне, метнулся к браслету. И... молодой человек удрал.

– Ну, вот... – вздохнул Дарри. – Не видать мне моря.

– А почему для того, чтобы стать моряком, надо идти в пираты? Более цивилизованного способа нет, что ли? – удивилась Ника.

– Есть. Но в училище берут только граждан. А мы с мамой и сестрой – пришлые.

Девочка тут же наступила брату на ногу, сделав выразительное лицо. Видимо, говорить о том, что они не здешние, мама не велела. Интересно...

Глава 2

Ричард Рэ Тигверд солгал. Он просто не смог сказать Веронике, что на сына напали в Петербурге. Пробита голова. Сначала он все выяснит сам.

Огненный маг появился из портала, ни от кого не скрываясь, не ставя защиту от любопытных глаз. Не до того. Увидел сына. Остановился, не в силах оторвать взгляд, медленно осознавая, что самое страшное позади. Жив. Это главное. В лицо мальчишки словно плеснули зелени. Паша сидел скорчившись, обхватив голову испачканными в крови руками.

– Вам нужно отправиться домой, – выговаривал ему Ирвин. – У вас сотрясение мозга. Необходим покой. И...

Пашка мотнул головой и тут же «поплыл». Взгляд стал бессмысленным, тело обмякло. Ричард сделал было шаг к сыну, но, услышав недовольные возгласы Ирвина, решил подождать. Целителю сейчас не до его отцовских чувств...

– Вот что за наказание такое! – Ирвин склонился над пациентом. Руки с длинными пальцами запорхали над упрямым мальчишкой.

Ричард и сам был неслабым магом, однако то, сколько силы было в целителях, всегда поражало его. А Ирвин... Мастер! Виртуоз! Лучший в империи...

«Все же исцеление – это чудо...» – Ненаследный принц Тигверд видел, как лицо сына приобретает цвет, как дыхание

Пашки – да и его самого заодно – становится ровным. Как падает на землю... Падает?!

Ричард успел подхватить Ирвина.

– Тревога! Целителей сюда! – скомандовал он. – Живее!
И Феликса Тигверда!

Вокруг вспыхивали порталы. Кто-то из толпы, что оттеснили за ограждения, оцепив весь Невский, обратил внимание на радугу. Имперцам повезло – только что прошел дождь, и местные искренне приняли происходящее за естественное природное явление. В другое время Ричард счел бы это забавным, но не сейчас. Он искал глазами младшего сына, а в памяти всплывали слова Ирвина о том, что если ему самому когда-нибудь понадобится помощь – лучше Феликса не найти.

– Отец! Пашка? Учитель?!

Феликс выглядел растерянным. Юный целитель не знал, к кому кидаться.

– Кому нужнее? – попытался подсказать отец.

Глубокий вздох, и молодой человек склонился над Ирвином.

– Что у вас здесь?

Заместительница Ирвина решительно направилась к Паше, одновременно приказывая молодой рыжеволосой девушке, которую Ричард видел в палате у Милфорда:

– Рене, помогите Феликсу.

– У тебя с собой укрепляющая настойка? – бросил Фе-

ликс, не прекращая водить руками над телом учителя.

Девушка кивнула. Раскрыла огромный саквояж.

– Разрешите доложить?

– Позже... – бросил Ричард.

Надо дождаться, пока очнется сын. Убедиться, что с ним все в порядке, а потом... Все остальное – потом...

Внутри все смешалось. Гордость за Феликса, страх за Пауля. В этом мире они засветились так, что объяснений с местной службой безопасности не избежать. А еще Ника. Как бы он ни пытался сейчас хотя бы частично все решить, придется рассказать ей правду.

– Отец... Таю похитили... – прошептал Пашка.

– Как он? – Ричард наклонился к сыну.

– Опасности для жизни нет, – пожала плечами миледи Бартон. – Необходим покой. Переносить порталом пока поостережемся. Кровотечение было сильным.

Ричард, вспомнив, что удар был по голове, с трудом удержался от того, чтобы не потрепать русые взлохмаченные волосы. Нельзя. И мужчина погладил мальчика по плечу. Затем подумал и развернул сына раной к себе.

Били сильно. С расчетом на потерю сознания. В идеале – потерю памяти. Но не на поражение. Если бы хотели убить, им бы ничего не помешало.

– Мне нужно помочь Тае. – Пашка упрямо шептал, стараясь избегать резких движений.

– Пока вы настолько слабы – вы никому ничем не помо-

жете, — заметила заместительница Ирвина.

Тот тоже очнулся. Выброшенной на берег рыбой задышал глубоко и часто.

Ричард вопросительно посмотрел на Феликса.

— Жизнь вне опасности, — отрапортовал сын. — Дар целителя тоже. Скорее, общий упадок сил.

Кивнуть. И теперь уже развернуться к военному.

— Мастер Пауль встречался с девушкой. В подземном переходе. При этом присутствовал милорд Милфорд...

Принц Тигверд с трудом удержался от удивленного возгласа. Так вот где был Шир все это время! Впрочем, странно, что он сам до сих пор не догадался. Мир Вероники — любимое развлечение друга. Милорд прекрасно знал русский, находил, что местная выпивка вполне сносна, а от всех этих набережных и особенно подземных переходов и вовсе был в восторге. Еще он любил эти, как его... Белые ночи. И сейчас, кажется, сезон.

— Девушка бросилась бежать после того, как узнала милорда. Наверху на нее напали. Пять мотоциклистов.

— Мото... клици... Это кто?!

— Они ездят на этом...

Взгляд ненаследного принца Тигверда скользнул по серому дорожному покрытию. Как они это называют? Асфальт? Приспособление для езды на двух колесах беспомощно лежало на боку. И снова представилась рыба, выброшенная на берег.

– Один из тех, кто управлял мотоциклом, исчез. Вместе с девушкой. Остальным удалось ускользнуть. Розыскники идут по их следам...

Но Ричард уже не слушал. Он смотрел на Милфорда, который, скрестив ноги, сидел около этого странного двухколесного транспорта. Очень ненадежного, на его взгляд, средства передвижения.

Шир, похоже, был очень и очень далеко. Начальник имперской контрразведки в отставке напряженно вслушивался во Вселенную, пытаясь нащупать следы. Почувствовать – жива или...

Тигверд не смог подойти и спросить. Он понимал: девушку похитили, чтобы отомстить Милфорду...

Вскоре к ним подъехал огромный черный автомобиль. Дверь открылась, и император Фредерик Тигверд жестом позвал к себе сына. Ричард заметил, что брат Милфорда уже рядом с отцом.

– Она жива... – тихо сказал Швангау, поднимая глаза на императора. – Я это чувствую.

– Ей больно?

– Вы хотите знать, не пытаются ли ее? – тяжело вздохнул придворный маг императора Тигверда.

– Я все хочу знать! Все, что возможно и невозможно. И побыстрее!

– С девушкой... непонятно. Она испугана. Разгневана. Кроме того, я думаю, что именно она перенесла себя куда-то, прихватив с собой похитителя. Смотрите: сначала обезвредили мастера Пауля. Потом... подчинили девушку.

– Что вы имеете в виду, Швангау? Как это «подчинили»? – Император нахмурился.

– Усадили на мотоцикл – она даже не сопротивлялась.

– Что вы несете?

– Думаю – это нэйро, ваше величество. – Маг учтиво поклонился.

– Нэйро? Только этого не хватало... И что это за мир?! Да не томите вы, в конце-то концов! Откуда в вас эта убийственная медлительность?!

– Прошу прощения, ваше величество. – Швангау снова поклонился. Медленно. Затем продолжил: – Миров с подобной силой и магами десятки. Известных только мне десятки...

– Удивительно...

– Но самое удивительное не это, ваше величество. Девушка сумела побороть заклятие. Оказала сопротивление, проявила волю.

– Даже так?

– Девочка – чкори. Правда, это лишь мое предположение, но перемещение очень похоже на те, что они строят.

– Вы точно говорите о ней? Фехтовальщица из этого мира?

– Чкори есть везде, ваше величество.

– И как нам это поможет ее найти?

– Мы пригласили герцогиню Рэймскую. Попросили проконсультировать.

– Почему Пауль не смог дать отпор? – резко спросил Ричард, будто очнувшись.

– Нэйро способны не только к внушению. Внезапная сильная атака блокирует волевые проявления полностью. Думаю, мастер Ре по своей силе вполне мог бы всему этому противостоять, если бы ожидал и был готов.

– Почему вы не пошли за девушкой? – Принц Тигверд вопросительно посмотрел на придворного мага. Самого сильного мага империи.

– Невозможно. Что-то мешает.

– Могу я попробовать?

– Конечно. Попробуйте...

Ричард опустился на мостовую, расслабился, впуская в себя странный, остро пахнувший горечью мир.

Белоснежный песок, острые скалы, нависшие над пронзительно-синей водой. Его сознание летело ввысь, к самым вершинам. Там, среди слепящего белого снега, крался снежный Анук-Чи. Он... никогда не видел такого! Манул...

Чкори есть везде. Мало ли какие кланы еще существуют. От хищника веяло силой. Необузданной, неконтролируемой. Стальные, темные волны отражались в холодных глазах.

– Тая... – позвал Ричард.

Виски сдавило.

– Прочь! – прохрипел кто-то.

Бледное вытянутое лицо, нос с горбинкой, высокие залысины. Редкие, но длинные волосы сзади собраны в хвост. Что-то странное в глазах – они неподвижны! Или... нет?

Вдруг все завертелось яркой, сводящей с ума метелью.

«Ника... – подумал Ричард. – Как же так...»

– Пойдем за мной, – неожиданно знакомым голосом сказала золотая птица, что вынырнула из круговерти прямо перед ним. – Пойдем...

Он почувствовал, что жив и... очнулся. Скрестив руки на груди и хмурясь, над ним склонилась герцогиня Рэймская.

– Что у вас за манера, милорд Верд, – сразу лезть напролом!

– Добрый день, – просипел Ричард.

– Имперцы! Не зная куда. Не зная, кто будет противостоять. Просто потому, что сильные! Непобедимые, да?

– Спасибо вам...

– Вас же предупредили, что в деле замешаны нэйро! Вам это ни о чем не говорит? Или в военной академии об иных мирах не просвещают? Не считают нужным? Зря!

– Но... я почти дотянулся... до нее...

– Замечательно!

Тут принц Тигверд недовольно посмотрел на придворного мага. В конце концов, он же служит Тигвердам. Значит,

должен защищать сына своего императора!

Но Швангау даже не смотрел в их с герцогиней сторону. Маг не отводил взгляда от брата. Милфорд, до этого не обращавший ни на кого внимания, поднялся.

– Шир! – позвал Ричард.

– Эдвард? – окликнул придворный маг младшего брата.

– Все потом. Я должен ее найти, – нахмурился Милфорд. – Не мешайте!

* * *

Скрипач слушал город. Чужой. Шумный. Не похожий на Роттервик.

Зорго Цум решил уйти. Жить в империи... Больше не мог. Там горе ходило за ним по пятам, прорастало черными тюльпанами парка, ухмылялось девичьими платьями, чистыми улочками, жгло душу солнечным светом в яркой листве. И только на кладбище, уже не таясь, вставало во весь рост и смеялось в лицо свежей могилой.

Музыкант исчез в конце мая. Поздним вечером пришел к Ясе в последний раз, посадил сойки-безвременники. Ее любимые. Наверное, уже и отцвели, если прижились, конечно. Хотя о чем это он? Иначе и быть не может. Служители Сада смерти – маги Земли. Он заплатил, значит, все в порядке. Вот Вайда удивится...

Скрипка пела, а прохожие этого хрупкого мира с благо-

дарностью кидали монеты. Зорго играл, стараясь подарить городу хоть немного тепла и... магии.

Удивительный мир, удивительный город. Хрупкий, печальный, но в то же время гордый и величественный. А люди? Такие... маленькие. Потоки Стихий проходят сквозь них, не встречая ни малейшего сопротивления! Ни просьб, ни силы. Будто сухие листья – кружатся, крутятся, суеются. Ничем не защищенные, никем не обогреты.

Зорго жил музыкой. Дышал ею. Без денег, имени, связей он играл, стирая струнами пальцы в кровь. Учился. Стал лучшим из лучших. Шутка ли – настройщик при дворе!

Фредерик Тигверд никого, кроме него, Мастера Цума, к своему любимому роялю не подпускал. Какая честь. Какое признание. Император исполнителем был сносным, хотя, положив руку на сердце, весьма посредственным. Но музыку его величество ценил. Искренне.

В молодости Зорго казалось, что цветы и улыбки женщин Стихии создали для вдохновения, что шум волн и дыхание ветра – лишь шепот новых мелодий, а живущие рядом рождены внимать и восхищаться! Имеющие уши да услышат музыку Стихий!

И только через много лет, когда бедная юная цветочница постучалась в дом, чтобы спросить, не купит ли мастер у нее букетик безвременников, он понял, что дожил до седин и милостей императора, но ничего в этой жизни так и не понял.

То, что Яся его дочь, Цум понял почти сразу. Внешне она была похожа на Вайду, правда, чуть выше ростом. Но то, как она училась музыке, пела, как держала смычок... Да, он учил ее игре на скрипке, хотя женщины в империи на этом инструменте не играли. Почему-то это считалось дурным тоном. А вот в этом мире не так! И правильно...

Скрипка пела, а Цум вспоминал.

Молодой талантливый музыкант мечтал, что в будущем император пожалует ему звание Мастера. Он часто играл в парке и, глядя на белоснежный дворец, вслушивался. Там, за звуками собственных мелодий, юноша слышал, как дышит в огромном пустом зале рояль императора Тигверда.

Но пока это были всего лишь мечты, и он зарабатывал себе на хлеб игрой да уроками музыки для девушек на выда-ние. Его услугами пользовались те семьи, что имели знатное происхождение, но все же именитого мастера позволить себе не могли.

Так он увидел Вайду. Влюбился. Пропал. Забыл, как дышать. Написал удивительную, нежную мелодию. Хотел добиться успеха, чтобы девушка могла выйти за него замуж, но ее опекуны решили по-другому.

Пригретая дальними родственниками сирота была для них обузой. Своих дочерей бы пристроить. Вайду выдали замуж, а Цум... Он добился успеха. Был обласкан самим императором, которому по душе пришлась его мелодия. Та самая, что музыкант сочинил для любимой. Мелодию эту он

играл каждый день, а ту, что подарила ее, забыл. Забыл! Потому что в свой талант был влюблен больше! Потому что музыка была его единственной возлюбленной.

Как же он ошибался! Как сильно за это наказан!

Цветы цветут от женских улыбок, если не цветут на могилах в память о них. А скрипка создана Стихиями лишь для того, чтобы улыбалась та, которую любишь. Он добился всего, о чем мечтал, и потерял самое дорогое, то, о чем не смеют мечтать простые смертные – любовь. А ведь он держал ее в руках! Как держит сейчас эту скрипку.

Наверное, только добравшись сюда, вдохнув тяжелого воздуха, он очнулся...

Последний раз Цум настроил рояль Фредерика Тигверда. Последний раз сыграл императору любимую мелодию. В этот раз получилось... вдохновенно.

А потом скрипач попросил у правителя милости. Последней. Старый Зорго стоял на коленях перед Фредериком Тигвердом и плакал. Он не стыдился своих слез, ведь только что, слушая, как он играет, плакал и император. Мастер просил отпустить его. Открыть портал в любой из существующих миров, ибо в этом он дышать уже не сможет. Никогда...

Конечно, в его музыке была магия, но порталы выстраивать музыкант не умел. Можно было бы купить амулет, денег хватало и на самый дорогой, император Тигверд более чем щедр. Но Зорго хотел уйти так, чтобы невозможно было вернуться.

Фредерик Тигверд выполнил его просьбу. Правда, сунул в карман чью-то карточку и взял с музыканта слово, что если тот захочет, он найдет человека по имени Мирослав Петрович Лукьяненко. Чудное имя...

И вот он, Зорго Цум, здесь. В сумеречном городе с большой рекой, дворцами, каналами, людьми, которым, хвала Стихиям, пришлось по душе его скрипка. А уж как к лицу этому миру оказалась его музыка!..

На монеты, что кидали прохожие в потрепанный футляр, он покупал еду. После работы любовался белыми ночами печального города, и горе отступало. Пусть лишь на время, но все же.

Музыкант уже стал сливаться с толпой, забывать, кто он и откуда, когда в один из будничных вечеров принявший его город решил показать обратную сторону... Темную сторону. Гнилую, отвратительную.

Зло есть везде.

Места в подземных переходах, где играли музыканты, были негласно поделены. Тут тепло вечерами и не намочит дождь. Много людей. Выгодно.

Скрипача поначалу никто не трогал. Решили посмотреть, что из этого выйдет. Старик играл так, что у прохожих наворачивались слезы. Он имел успех, а значит, неплохо зарабатывал. Надо бы поделиться с теми, кто позволяет работать на их территории!

Зорго прижимал к себе инструмент, стараясь не обращать

внимания на боль. Главное – спасти скрипку, иначе он останется без средств к существованию. И только он так подумал – все стихло. Но лишь на мгновение. Обидчиков раскидало по переходу, и никто из них больше не появлялся с тех пор.

Цум, конечно, догадался, что его спаситель – имперец Стихийник. Аристократ. Но в душу с расспросами он к Эдварду не лез. Между ними было что-то общее. Они оба, Цум это чувствовал, скрывались в этом мире от боли. Сначала выступали по очереди – Зорго играл свои мелодии, а Эдвард пел под гитару. Инструмент все время приходилось настраивать! Делали его в этом мире – никакой магии... Стихии! Как на этом можно играть?

У имперца был приятный, с хрипотцой голос. Песни, как подозревал скрипач, тот писал сам. Потом Цум стал подыгрывать романсам. Получалось весьма и весьма недурственно. Совместное творчество имело успех у благодарной публики! Их стали приглашать в небольшие ресторанчики, дуэт даже приобрел некоторую известность в определенных кругах под именем «Зорго Цум и мистер Эдвард».

Но в переходе играли все равно. Это при том, что в деньгах имперец явно не нуждался. Они жили в квартире на Сенной. Вели тихие, душевные разговоры вечерами, работали над песнями, гуляли по набережным. Пили. Плакали. Душой. Беззвучно. Не расспрашивая при этом друг друга о личном. Идеальный союз. Счастливое время! Но однажды все это закончилось...

– Милорд?... – Зорго Цум пошаркал встречать Милфорда.

И замер на пороге, изумившись. Таким он имперца видеть не привык. Спина у его соратника по скитаниям волшебным образом распрямилась. Во взгляде появилось что-то.... Это снова был блистательный аристократ, на которого в империи скромный учитель музыки и взгляд бы поднять не осмелился.

– Господин Цум, я должен уйти. – Голос звучал решительно.

– Я понимаю, – склонил голову музыкант.

– Надеюсь, я понял, как помочь ей.

– Кому? Той... девушке?

– Да.

– Это хорошо, милорд.

– Квартира остается в вашем распоряжении. Деньги в секрете. Там же амулет, с помощью которого вы сможете связаться с Ричардом Тигвердом. Обращайтесь. Это человек, которому я безгранично доверяю. Ре не откажет в помощи. Да, и на нашем месте вы можете играть спокойно. Вас не тронут. Но амулет носите с собой. Если что – вызывайте имперцев.

– Благодарю вас.

– Вроде бы все. – Милфорд огляделся. В глазах имперца мелькнуло удивление, словно он не мог понять, что делал в этой небольшой квартире неподалеку от Сенной площади. В чужом городе чужого мира...

– Храни вас Стихии, милорд.

– Я понял, где Тая. Мне надо уснуть. Я, скорее, перенесусь туда во сне.

Зорго Цум кивнул. И пошел в свою комнату, пробормотав еле слышно: «Удачи тебе, сынок!»

Вдруг в дверь позвонили.

– Что еще? – Милфорд с большой долей раздражения распахнул дверь.

– Кто ты такой? – рывкнул на него мужчина со странно знакомыми зелеными глазами.

– С кем имею честь?

– Почему, как только моя дочь встретилась с тобой, ее похитили? И что имперцы делали рядом с местом преступления?

– Я их вызвал.

– Ты тоже имперец?

Милфорд кивнул.

– Ненавижу! Из-за вас погибла моя жена! И мне давал слово ваш император, что девочку мою оставят в покое! Никакой магии. Никаких переходов между мирами. И что в итоге?!

– Погодите... То есть... – Милфорд мучительно соображал. – Во время одного из покушений на Ричарда и его мать погибла молодая чкори. Ее приняли за Милену...

Милена была Ори, и к ней, как к наставнице, приходили чкори из разных миров. Чкори в каждом мире имеют свой

образ, свою историю. Милфорд знал, что в мире Вероники их называют цыганами. Мужчина, что ворвался в его дом, тоже был чкори. Или... цыган? Смуглолицый, коренастый. Копна седых кудрявых волос. И зеленые глаза, упорно кого-то напоминающие. Ее.

– Тае было три года. Всего три!

– Вы – отец?

– Надо же, догадался! Да! Я ее отец! И вот что я тебе скажу, имперец. Вы ее не получите! Вы убили Рузи, но мою дочь вы не получите!

– Сочувствую, – склонил голову стихийник.

Зорго Цум обеспокоенно переводил взгляд с одного на второго. Станный у этих двоих получался разговор...

– Вы ведь знаете, что другие миры существуют? – быстро спросил Милфорд, напряженно вглядываясь в глаза собеседнику.

– Знаю.

– Откуда?

– Да оттуда, что вам, уродам, дома не сидится! И...

– Вы – чкори. – Имперец налил в кружки чай, нарезал хлеб, сыр. Молча протянул незваному гостю.

Мужчина вдруг как-то сразу обмяк, сел на стул, принял угощение. Неожиданно заговорил тихо, будто сам с собой:

– Моя жена любила называть нас так, бредила иными мирами. Они ее манили. И девочку нашу хотела научить. Отправилась посоветоваться с сильной... Как ее?

– Ори. Ори Милена, мать моего друга. Она тоже погибла. Вашу жену убили, приняв за нее. Женщина оказалась не в то время не в том месте, что не отменяет нашей вины, конечно. И ваша злость на ситуацию понятна. Но сейчас мы должны найти девочку. Сила проснулась в чкори, Тая ходит по другим мирам, и как бы вам ни хотелось ситуацию контролировать – не получится. На все воля Стихий. Нам лучше объединиться ради безопасности вашей дочери... господин?

– Мирослав Петрович Лукьяненко, начальник службы, занимающейся связями с империей, к вашим услугам. Для близких – Миро, но с вами, простите, сблизиться не хотелось бы.

– Милорд Милфорд. Эдвард Милфорд.

– А почему вы, милорд, поете в переходах и ресторанах? Дуэт «Зорго Цум и мистер Эдвард»? Это что... какая-то секретная операция? Легенда? Работаете под прикрытием?

За спиной Мирослава Петровича раздалось деликатное покашливание.

– Нет, – Милфорд отхлебнул крепкий сладкий чай, – это не операция. Я так провожу отпуск. У нас говорят – в каждом маге улыбаются Стихии.

– Понятно. Каждый сходит с ума по-своему...

– Что, простите?

– Да так. Неважно.

– Кстати, разрешите представить моего друга. Маэстро Зорго Цум, придворный Мастер музыки империи. Тоже э-э-

Э... в отпуске.

– У вас есть евреи? – удивился полковник ФСБ.

– Простите меня за любопытство, уважаемый, – Зорго Цум слегка поклонился, не зная, как правильно вести себя в данной ситуации, – но я уже не первый раз слышу подобное определение в свой адрес. Как я понял, евреи – местные музыканты?

– Ну, можно и так сказать. Это национальность. Например: я – цыган. Вы называете нас чкори. Чкори есть везде. Евреи, видимо, тоже. Но моя семья старалась отойти от традиций. Когда я привел Рузанну, родственники были не слишком довольны. Теперь, когда в мой дом во второй раз пришла беда, я понимаю почему.

Мужчина поставил чашку на стол. Вдохнул. Затем поднял глаза и спросил сдавленным голосом:

– Почему мою дочь похитили? Что вам известно?

– Я не знаю.

– Но вы же знаете ее?

– Да. Я был с ней в одном мире. Это мир грез. Возможно, ее магия создала его. Белый песок, серые скалы. Океан. Я... так и не решился с ней заговорить.

– Когда я найду свою дочь, то потребую, чтобы все это закончилось. Никаких имперцев. И никакой магии. Нормальная жизнь!

– Получается, мы с вами похожи...

– Что?!

– И вы, и я... Мы оба решили, что знаем, как лучше для нее.

– Да как вы смеете?!

– Смею что? Ходить по мирам во сне против своей воли? Любить вашу дочь вопреки здравому смыслу?

* * *

Спустя сутки полковник ФСБ стоял под дверью проклятой квартиры на Сенной.

Поиски дочери не дали никаких результатов. Четверых мотоциклистов нашли. Задержали. Все они говорили одно и то же: им предложили устроить флешмоб по Невскому. Они согласились. Встретились на Дворцовой. Поехали по направлению к Московскому вокзалу. Все. Ни в каком нападении не участвовали. Ни о каком похищении не слышали. Адвокаты уже прибыли. Кстати, мотоциклисты оказались членами закрытого байкерского клуба. В него входили люди не только богатые, но и весьма влиятельные.

Полковник прижался спиной к стене, запустил руки в кудрявые седые волосы, прикрыл глаза. «Думай, Мир, думай!» Что-то во всей этой истории было не так. К байкерам втереться в доверие трудно. Очень трудно! Странно, что кому-то удалось так просто их уговорить. Но самое удивительное даже не это, а то, что все четверо хотя и помнят разговор, но все они описывают совершенно разных людей.

Один утверждал, что к ним подошел высокий, импозантный иностранец с тростью, в дорогом костюме, говорил с едва уловимым акцентом. Другой описал пожилого коренастого мужика в косухе. Волосы стянуты в хвост, бывший байкер, рокер, легенда – мировой мужик, грех не помочь. Третий помнил плохо, даже засомневался, мужчина это был или женщина! Этот парень – бывший контрактник, самый молодой из всех. После контузии ушел в отставку, занялся бизнесом. И теперь жаловался на участившиеся головные боли после разговора с незнакомцем. Последний мотоциклист видел здорового голубоглазого детинушку неопределенного возраста, с ярко-рыжей бородой. Говорит, что это краска. Что такого яркого цвета не бывает в природе. Кажется, тоже жаловался на головную боль. Бред какой-то! И ни один из свидетелей не вспомнил, чтобы мужчина представился, назвал свое имя. При этом все они согласились на его просьбу! Точно бред.

Оставалось только принять на веру слова милорда Милфорда, который сказал, что пойдет за Таей...

Не понять, что имперец не последний человек при императоре, полковник не мог. Милфорд, Милфорд... Да слышал, слышал он это имя. Слышал, и не раз! Выправка, жесты, интонации в голосе – так говорят люди, привыкшие приказывать, а этот его подчеркнуто-бомжеватый вид... Просто насмешка!

Лукияненко чувствовал, что имперец появился в его жиз-

ни навсегда. Шестым чувством чувствовал. Интуиция его еще никогда не подводила. Остер волчий нюх цыганской крови, и от нее не уйдешь, в какие одежды ни рядись, какие посты в ФСБ ни занимай. Проиграл ты эту битву, полковник. Проиграл...

И надежда, получается, теперь только на него, на милорда этого.

Мирослав Петрович уткнулся лбом в дверь.

«Девочка моя, где же ты...»

Застучала в висках сумасшедшая надежда, что сейчас распахнется дверь. И Тая окажется в этой квартире. Пусть даже и с этим имперцем.

Тишина. Как в склепе. В квартире явно никого не было.

Мужчина вспомнил, что в квартире был еще какой-то побитый жизнью старик. Может, он хоть что-то знает.

Долго держал кнопку звонка. Его нервные переливы были слышны очень хорошо. Слишком хорошо. Как и то, что никаких шагов не раздавалось.

Вызвать своих. Дождаться родного, слаженного топота по лестнице. Приказать:

– Ломайте!

Дверь снесли. В квартире – никого.

Исчез не только имперец, который так старательно и неумело прикидывался бродягой, что был совершенно на него не похож. Пропал и старик, что с ужасом наблюдал за их разговором.

Никого.

– Общайте здесь все.

– Деньги в секретере. Много.

– Это они в переходе так неплохо зарабатывали? Или у них и было? – Боец запнулся о бешеный взгляд полковника. И замолчал, отводя глаза.

– Документов нет, – тут же заметил второй, отвлекая командира.

– А что вы хотите найти? – раздался насмешливый женский голос.

Полковник дернулся. Как... Как она здесь оказалась?

Перед ним стояла стройная женщина, внешность которой мгновенно обожгла сердце болью, ненавистью, злостью и тоской. Высокие скулы, смуглая кожа, выющиеся крупными кольцами волосы, глаза... Цвета коньяка.

– Чкори! – с ненавистью выдохнул он.

– Чкори. – Женщина утвердительно кивнула.

С секретера взлетела огромная птица и переместилась незнакомке на плечо. Откуда? Он что, раньше ее не заметил, птицу эту? От взмаха крыльев по комнате закружились банкноты, с тихим шелестом опадая на пол. Открылась форточка, впуская свежий воздух. Мистика. Магия. Чертовщина! Как же он все это ненавидит!

Женщина смотрела на полковника не отрываясь и не мигая. Он отвел глаза первым. Непривычно. Это его взгляд подчиненные не выдерживали, это о нем легенды по отде-

лу ходили. Боялись. О цыганском проклятии шушукались. А тут... Он – и первый сдался! Черт-те что...

Он присмотрелся к женщине внимательнее. Плащ старинного покроя с огромным, закрывающим пол-лица капюшонном она скинула с плеч и бросила рядом стоящему его сотруднику. Тот, конечно, поймал. Реакция хорошая, выправка – военная, но взглядом боец полковника не преминул одарить красноречивым. Да... Тоже, наверное, особа, приближенная к императору!

И тут он увидел пояс на ее платье. По позвоночнику пробежал холод. Такой же был у жены. И этот узор. Тая все рисовала его в тетради, которую вечно таскала с собой. А потом дочь сделала себе такую же татуировку на спине, чуть ниже талии. Он бы и не узнал, но за каждым шагом дочери следили его люди. И вроде понимал, что так нельзя, но ничего сделать с собой не мог. Боялся. Жену он уже потерял. А дочь...

Эта татуировка стала последней каплей в их и без того сложных отношениях. Он устроил скандал, и Тая практически перестала с ним разговаривать. Упрямая! В мать...

Полковник вздохнул и обратился к женщине:

– Кто вы? Вы из империи?

– Нет. Я – герцогиня Рэймская. Меня попросили помочь вам.

Глава 3

Паника. Страх. Холодный, липкий пот по спине. Сердце стучит в горле. Нечем дышать. Хочется заплакать, но даже плакать страшно...

Так уже было. Когда она вдруг осознала, что мама не придет. Никогда. И вот сейчас.

Черная спина мотоциклиста. Давление в висках, которое заставляет делать то, что делать не собиралась вовсе...

Она не может обернуться, но понимает, что там – где-то позади – упал как подкошенный Пашка Журавлев.

Они не раз фехтовали, оттачивая свои сильные стороны. Это было полезно и эффективно. Говорили только о масках, шпагах, приемах. Иногда вместе пили кофе в кафе спорт-комплекса. Пашка открывал дверь, пропускал вперед, настаивал, что сегодня он угощает. Мог купить то, что она не заказывала – стаканчик мороженого, сок. Но больше между ними не было ничего. Его считали в группе заносчивым, хотя напрасно. Просто он был на голову сильнее всех. А потом Журавлев куда-то исчез. Вернулся, фехтуя, как бог! Один тот прием, что он ей показал, чего стоил!

В памяти всплыли каменные своды, горящие факелы, бледное лицо Пашки, оттененное белоснежным воротником. Высокие сапоги, боевая шпага. Такая... старинная. Его мама, Вероника Евгеньевна, преподаватель Таи истории – в

длинном платье. И прическа. Так, наверное, в восемнадцатом веке ходили. Или в девятнадцатом? Бред!

А потом – он. Эдвард. Синие холодные глаза. Лежит на белых простынях, волосы стянуты сзади. И в переходе на Невском. Бродячий музыкант? Голос... Его голос! Шляпа, шарф и перчатки без пальцев, но вязанные, все это так нелепо летом! Щетина, волосы растрепаны... Кадр!

Да что ж это такое! Что за ерунда с ней творится последнее время? Она сходит с ума? Кто-то что-то подсыпает в еду или питье? Кто? Зачем? Она ест дома. Кофе, сок только в столовой института или кафе спорткомплекса. У нее отец – сотрудник ФСБ. Может, это как-то связано с ним? Надо понять, где она. Как здесь оказалась.

Голова закружилась. Замутило. Перед глазами снова падает Павел, и тонкая струйка крови бежит, затекая в трещинку на асфальте.

Гнев. Гнев обрушивается на нее девятым валом.

Она не позволит! Никому. И ни за что! Кто бы это ни был, какой бы силой ни обладал – она вырвется!

Замотала головой, отгоняя слезы. И вдруг сквозь их пелену поймала свое отражение в боковом зеркале мотоцикла.

И показалось... Или нет? Мелькнуло. Белый песок, по которому она любила писать кончиком шпаги стихи, а утром, проснувшись, записывать их в тетрадку. Море, что так манило синевой...

Не время думать об этом. Сейчас, когда шум прибоя за-

глушил рев мотоцикла, когда ветер, целуя, старается оторвать тебя от похитителя. Когда все внутри поет: «Свободна!»

– Свободна! – закричала девушка из последних сил и... упала на песок.

Приподнялась на локтях. Взвизгнула оттого, что море обдало ледяными солеными брызгами. Странная смесь ужаса и счастья, потому что вместо спины, затянутой в черную кожу – море, небо, белые скалы. Мир ее сна. Она... спит?

Тая услышала долгий болезненный стон. По позвоночнику ледяной змеей пополз страх.

«Шпагу бы...» – подумала девушка и представила ее себе: легкую, по руке. С простой гардой, убийственно острую. Не спортивную. Боевую.

Она тянулась, но никак не могла достать до шпаги, возникшей на глазах из ниоткуда. Думать, как же это произошло, было некогда. В голове сквозь дурноту и боль – голос похитителя: «Сюда-сюда-сюда... Помоги мне».

Звуки то сливались в яркую, невыносимую метель, то рассыпались на острые осколки. А потом снова собирались вместе, завораживая и подчиняя.

Но Тая упорно тянулась к шпаге. Отчего-то она была уверена – если коснется гарды – то сможет остаться собой. Сможет скинуть этот ужас. И победить!

Кожа чуть выше локтя лопнула, в рану забился песок. Саднило. Но эта боль не шла ни в какое сравнение с той, что

с новой силой взорвалась в сознании, словно наказывая за неповиновение. Она сверлила дырки в черепе, требуя: «Подчинись! Подчинись! Подчинись!»

– Нет! – захрипела Тая, стиснув зубы, делая последний отчаянный рывок к шпаге.

Есть! Она схватила вполне реальный, холодный на ощупь металл, и в ту же секунду над головой вспыхнула ярким светом огромная, в полнеба птица. От взмаха крыльев, сотканых, казалось, из яркого, слепящего света, над головой закружился белый песок, море ответило мощной волной, с шумом разбившейся о скалистый берег, и фантом птицы растворился в небе, рассыпался невесомым золотым песком... Красиво!

Все стихло. Мысли стали снова ее мыслями, гнев – ее собственным гневом. Сжимая рукоять, отмечая про себя, что шпага по руке, и, несмотря на боль, она вполне способна защищаться, девушка осторожно поднялась. Огляделась. Посмотрела туда, где только что была птица. Золотой песок все еще кружился в воздухе.

Платье намокло. От соленой воды и песка юбка стала тяжелой. Оборка с одного края оборвалась. Хорошо, что надела кеды. Они, конечно, уже не белые, зато в них удобно.

«Это сумасшествие...» – думала Тая, а ноги уже бежали туда, где у скалы, широко раскинув руки, лежал на спине ее похититель.

Только сейчас девушка поняла, что птица кружила прямо

над телом мотоциклиста и каким-то чудесным образом помогла ей дотянуться до шпаги. Ощущение, что призрак из золотого песка явился, чтобы ей, Таяе, помочь, было настолько явным, что... А собственно, что? Она медленно сходит с ума, вот что! Это единственное адекватное объяснение всему происходящему. Но опасности от похитившего ее незнакомца это не отменяет.

Девушка, боясь потерять решимость, торопилась. Секунда – и она приставила клинок к незащищенной шее, что выглядывала между глухим шлемом и высоким воротом куртки.

Мужчина замер.

– И что теперь? – тихо проговорил он.

– Шлем снимай, – зачем-то приказала Тая. Хотя, собственно, какая ей была разница: в шлеме похититель или нет?

– Девочка, а ты уверена, что сможешь проткнуть человека?

– Я потом поплачу!

Она злилась. На Журавлева, потому что тот явно что-то скрывал. На уличного музыканта, который посмел быть похожим на... Или он и был...

– Я понял. Понял, – дернулся под ее рукой похититель.

На него она тоже была чертовски зла! Поэтому удержалась, чтобы не вскрикнуть, осознав, что расцарапала ему шею. Алая струйка потекла под кожу куртки. Алая струйка

текла в трещинку на асфальте, змейкой выползая из-под рыхлых волос. Пашка... Это все вот этот. Сволочь! И она снова прижала острие шпаги к шее, сместив оружие от раны чуть вправо.

— Я снимаю, снимаю... — Мужчина, чуть склонив голову, стащил с себя шлем.

— Арвин Валентайнович? — изумленно выдохнула Тая, но руку тем не менее не отвела. — Что вы?.. Зачем?!

— Да, это я. Собственной персоной. А вы, юная храбрая леди, если не ошибаюсь, Таисия Мирославовна Лукьяненко.

Девушка во все глаза смотрела на своего похитителя. Она не могла поверить, что всю эту бандитскую аферу провернул попечитель фонда поддержки фехтовальщиков, известный всем, кто хоть раз интересовался этим видом спорта, весьма состоятельный бизнесмен Арвин Валентайнович Эйш. Человек милейший и совершенно, несмотря на богатство и влияние, не пафосный.

— Что... что вам от меня нужно? — покраснела девушка, пытаясь понять, что происходит и что ей делать.

— Нет, ну что вы... — смутился и господин Эйш. — Я задумал все это совершенно не для того, чтобы... Нет, вы девушка очень красивая и... Простите.

— Так. Уже хорошо. Нападение с целью изнасиловать исключаем. Что вам от меня надо?

— Мне нужна ваша помощь, Таисия Мирославовна.

— А вы всегда, когда вам нужна чья-то помощь, организо-

вываєте похищение века в лучших традициях Голливуда?

– Я... Подумал, что... Вас похитят. А я... вас спасу. И мы договоримся.

– Вот что за бред! Вы же просто могли подойти. Попросить. А Пашку зачем... Паша...

– Это... Журавлев?

Тая кивнула.

– Весьма. Весьма талантливый молодой человек. С ним все будет в порядке, уверяю вас! Мальчик оказался очень силен. Смог скинуть подчинение.

– Подчинение?

– Да. Я способен воздействовать на людей. Читать мысли. Подчинить волю. Заставить делать то, что нужно мне.

– Сволочь! – Тая пыталась сдержать нервную дрожь – руки ходили ходуном.

Арвин Валентайнович только кивнул. Не споря. Потом осторожно проговорил:

– Тая, можно вас попросить убрать от моей шеи оружие? Пожалуйста.

– Нашел дуру!

– Дело в том, что если вы, допустим, представите, что я связан – то я не пошевелюсь.

– Врете.

– Вы что – не понимаете, где мы оказались?

– Это место, которое мне снилось. – Тае нестерпимо хотелось вытереть слезы, но она боялась сделать лишнее дви-

жение, ослабить внимание. И упустить этого гада.

– Это – место вашей силы. Здесь вы можете все.

– Да что вы! Вы же чуть не подчинили меня снова! И, как я понимаю, путы вам не помеха!

– Вы просто не умели использовать свою магию.

– Магии не существует.

– И это говорите мне вы... Чистокровная чкори? Вы представляете, насколько велика ваша сила? Вы можете находить дороги между мирами. А уж здесь, в Пустоте, вы всемогущи.

– Что за бред!

– Попробуйте. Вы ничего не теряете.

Тая представила. От всей души. Веревку. Длинную-длинную. Крепкую. Толстую. Как она заматывается вокруг этой лицемерной гадины. Чтобы он только дышать мог. И немного говорить. И – самое главное – чтобы веревка не давала ему залезть ей в голову.

Судя по перекошенному лицу Эйша, получилось неплохо. И на перевязанную ветчину этот господин стал походить очень сильно. Ему шло.

Тая вытерла лицо. Села на песок. Устроилась поудобнее. Положила шпагу на колени и приказала:

– Рассказывайте. Что вам от меня надо.

Арвин Эйш завожился на песке, пытаясь устроиться поудобнее. А потом обреченно произнес:

– Я не из вашего мира, Таисия. Арвин Эйш – настоящее имя, отчеств у нас нет. Я – король государства Ваду. Изгнан-

ник. Скитаюсь между мирами при помощи магии лет десять. Пять из них примерно провел здесь. Мне нужен проводник. Проводник между мирами. Ваша магическая сила, думаю, способна мне помочь. Это все. Если кратко. И... это абсолютно честно.

– Допустим. Но если вы и сами можете переходить из мира в мир, я вам зачем?

– Это... – Эйш скорчился от боли, его руки сильно затекли. – Это сложно объяснить в двух словах... Мне надо найти жену и детей. Помогите мне, прошу вас.

Тая в ответ на подобное заявление лишь вздохнула:

– Гораздо приятнее было иметь с вами дело, когда вы были попечителем фонда поддержки фехтовальщиков. Поздравляли нас с победами. Утешали, когда мы проигрывали...

– Выписывал гранты, чтобы вы не бедствовали.

– И это тоже.

– Мне действительно очень нужна ваша помощь, Тая.

– А пытаться взломать мне мозги для этого – обязательно?

– Я подумал, что так будет быстрее. Ошибся.

Вдалеке ударил раскат грома. Небо как-то слишком быстро затянуло тучами. На ботинок перевязанного толстой веревкой короля упала тяжелая капля. Еще одна.

Море заволновалось, ветер поднял песок. Стемнело, вновь ударила молния, и ливень, ливень ярко-синего дождя стеной хлынул с неба! Между Таей и Арвином поднялся

смерч. Вихрь кружил песок, вбирая в себя потоки синей воды, и вдруг в самой его середине появились очертания мага. Плечи. Шляпа. Шпага. Вязанные перчатки без пальцев. Его... синие глаза.

Миг – и все стихло. Как и не было. Снова ясное голубое небо. Белый песок, снежные вершины вдалеке, стальная гладь спокойного, будто зеркало, моря. Тая вдруг поняла, что она вовсе не намокла. И платье стало чистым и сухим. Она точно сошла с ума...

Тая смотрела в глаза тому, кто пел в подземном переходе. Умирал в старинном замке. Незнакомец, который, не решаясь заговорить, читал написанные шпагой стихи. На том самом песке, на котором они оказались все трое. Мужчина из ее сна, Арвин Валентайнович Эйш и она. У моря. Бред? Конечно бред! Вернее, сон. Надо проснуться. Просто надо проснуться! Она хотела себя ущипнуть. Сильно. Больно. Но вместо этого прошептала:

– Эдвард...

Мужчина перевел взгляд на нее. В синих глазах мелькнуло облегчение. Мгновение, и его внимание снова сосредоточилось на похитителе.

– Эдвард! – теперь уже крикнула девушка, потому что...

Господин Эйш уже поднимался с песка. Следов от веревок не было и в помине! Словно это не он морщился только что от боли так, как будто свело все мышцы. Лжец!

«Обманщик! Какой же он все-таки обманщик!» – мелькнула в голове мысль. А потом Тая забыла, как дышать. Какие там мысли...

Капли синей воды взмыли вверх, послушно оплели руку Эдварда и превратились в шпагу.

Арвин Эйш стоял неподвижно. Меценат поймал взгляд подступающего к нему противника, улыбнулся. Улыбка выглядела спокойной, даже скучающей. Но злобы и желания убить во взгляде было столько, что Таю сковал страх.

Эдвард запнулся. Раз. Другой. А потом и вовсе замер, словно натолкнувшись на стену.

Тая не знала, что ей делать. Как помочь? Если она так сильна, как говорил Арвин, то... Или он врал? Как врал про то, что связан?

Она пожелала – настолько сильно, насколько могла. Пожелала, чтобы Эдвард стал свободен. Чтобы Арвин не мог так безжалостно поступать! Внушать, ломать волю, причиняя невыносимую боль!

«Свободен!» – запело что-то внутри, как тогда, когда ей удалось выбраться на этот Волшебный остров имени ее Су-масшествия.

Эдвард сделал шаг. Еще один. Левой рукой провел перед лицом, словно опуская забрало шлема.

И... Сталь зазвенела о сталь. В руках Арвина оказался клинок, который он чудом вытащил откуда-то из-за спины. Тае показалось, что оружие просто появилось из воздуха.

Они были равны. Они были прекрасны.

Короткие, яростные наскоки друг на друга и хищный звон клинков сменялись длинными настороженными паузами, когда мужчины замирали в стойках. Арвин целил острием в глаза Эдварду, а тот... Принимал позу настолько расслабленную, что Тае хотелось кричать: «Что же ты! Соберись!»

Казалось, противники мысленно подавали друг другу команды, настолько единовременны были их атаки. Тела летали над островом, песок хрипел под ногами, волны, будто азартные зрители, с ревом разбивались о скалы в ожидании первой крови...

Движения фехтующих были совершенны, и даже осознание того, что поединок – смертельный, не могло заставить Таю оторвать взгляд и начать действовать до тех пор, пока она не поняла по рисунку поединка, что в следующее мгновение будут нанесены два удара. Последних. Противники целились друг другу в сердце.

Они не промахнутся. Они... убьют друг друга.

*Будто фату для невесты, соленое кружево —
Белую пену к ногам несут волны услужливо.
Сталь зазвенит, Смерть слезами умоется алыми,
Выплеснет кровь на песок, что у моря у самого.
Выбросят волны на берег соленое кружево.
Кружево тихо шипит, умирая: «Ты нужен мне!»*

– Нет! – закричала девушка, – Замрите оба!

Тая позволила себе удивиться лишь тогда, когда мужчины превратились в живые статуи. Схватила шпагу, бросилась к морю, быстро, размашисто написала на мокром песке: «Ты нужен мне!» И лишь тогда, когда волна жадно слизнула нацарапанные строчки, почему-то немного успокоилась. Странное место...

– Тая! – услышала за спиной голос. Его голос... – Тая! Что ты делаешь? Зачем?

– Не хочу, чтобы вы оба погибли! – Она со всех ног бежала обратно, боясь, что колдовство закончится, мужчины «отомрут» и тогда уж точно убьют друг друга. Детская игра «замри – отомри». Не на жизнь, а на смерть...

– Он похитил тебя и напал на Пауля, – с трудом проговорил Эдвард, когда она подошла ближе.

– А он – тебе лгал. – Голос Арвина был довольный. Сытый. Мурлыкающий. Как у кошки, получившей вожаделенную рыбку.

– Как лгал? Когда? Я его никогда раньше не видела. Разве что во сне.

– Это ты, девочка, думала, что это – сон. На самом деле...

– Прекрати! – взорвался Эдвард.

– Что такое? Такой сильный маг, как ты, не мог не знать, что Тая – реальна. Что девочка не может понять, что с ней происходит. Сходит с ума.

– Я не мог!

– Что не мог? Подойти и сказать: вот он я?!

– Да! Зачем я ей... такой.

– Ты ведь знал – она на грани...

Это была какая-то пытка... Больно. Как же больно... За что?

Но сил крикнуть, чтобы эти двое замолчали, просто не было. Едкие вопросы Арвина. Оправдания Эдварда. Жалкие...

– Значит, другие миры действительно существуют? – тихо спросила она.

– Да. – Мужчина из ее снов ответил еще тише. Одними губами.

– И малина?

– Что?

– Малина. Крупнее, чем у нас. Раза в два. И... слаще.

– Это лимарра. В империи Тигвердов.

– Ты оттуда?

– Да.

– То видение, которое было... Когда я потеряла сознание... Это...

– Да, это было там. В империи. Я умирал. Ты меня спасла. Но я не тот человек, что тебе нужен! Ты ничего обо мне не знаешь. Я не могу вторгаться в твою жизнь.

– Да кто дал тебе право решать...

Вокруг Таи белым смерчем закружил песок ее острова.

– Кто вам всем дал право?

Лица мужчин исказились. Песок был везде, колол глаза,

забивался в легкие. Стало трудно дышать, но Тая всего этого не замечала! Буря не трогала хозяйку, а остров, будто измученный зверь, пил жадными глотками гнев той, что создала этот мир.

– Решать за меня? Как вы посмели решать за меня?! Как ты посмел?! Почему? И... за что?!

Боль. Боль сдавила горло, слезы брызнули вместе с дождем, хлынувшим стеной с почерневшего неба, песок под ногами мужчин превратился в зыбучую смерть, с сытым чавканьем засасывающую добычу.

– Я люблю тебя... Прости, – сложились губы синеглазого мага. Он смотрел ей в глаза. Спокойно. Без гнева и страха. Прощаясь.

– Эдвард? – Тая пришла в себя. Неужели она все это сотворила? Неужели она станет причиной гибели...

– Спаси их! – раздался голос Арвина в ее голове. – Детей! Мужчины уже почти скрылись под слоем песка.

– Нет! – закричала, бросилась туда, где они еще мгновение назад были живы. – Нет-нет-нет!!!

Она разрывала песок с остервенением, с отчаянием, сдирая в кровь кожу с ладоней мелкими острыми камешками, хрипя и задыхаясь.

– Пожалуйста... Нет! Пожалуйста! – плакала, пытаясь молить черные небеса.

– Я не хочу этого... Я не хочу!

Зал. Пахнет мастикой и краской, недавно сделали ремонт на деньги спонсора – Арвина Валентайновича Эйша. Сам бизнесмен пришел к ним после занятия, принес длинный черный бархатный футляр. Ловким движением ухоженных рук в массивных перстнях нажал на невидимый замочек – крышка открылась. На голубом шелке лежат шпаги. Старинные, боевые, инкрустированные камнями. Арвин Валентайнович встает, просит их тренера, Николая Алексеевича, помочь ему продемонстрировать.

Арвин Валентайнович фехтует не так, как их учили. Николай Алексеевич ему сильно уступает. А Эдвард – нет. Они на равных. Хотя нет... Эдвард искуснее. Легче. Тае это почему-то приятно. Хотя... ей-то что?

Небо. Яркое, голубое. Терраса. Розовато-белый мрамор. Маленькая белокурая девочка в легком платьице и с ямочками на щеках. Звонкий, залиvistый смех:

– Папа, папа!

Женщина. Красивая. Они с девочкой чем-то похожи. Она богато одета. Дама подходит к вазе с фруктами, дает девочке и мальчику постарше какие-то плоды. Тая никогда таких не видела, но почему-то ей кажется, что это очень вкусно. На плечо женщине ложится мужская рука.

– Арвин!

Ягоды. Как малина, но крупнее. А запах! Горсть такая большая, что еле умещается в мужской ладони. Эдвард кормит Таю с рук. Проводит большим пальцем по губам. Целует

ет. Ягоды сладкие, но его поцелуй еще слаще...

Море шумит внизу. Внизу?! Почему? Они же были... Свет! Белый, яркий, слепит глаза. Снег. Розовый. Что это? Кровь с ее ладоней. Откуда тут снег? Как... холодно.

Тая очнулась. Села. Видения исчезли. Она была в горах. Память медленно возвращалась к случившемуся, но тут ветер поднял снежные хлопья, закружил, и в самом центре снежного вихря появился голубоглазый манул... Он был чуть меньше, чем должны быть манулы по ее представлению, и как будто соткан из легких снежинок. Снежный кот посмотрел на нее долгим синим взглядом и медленно пошел прочь, не оставляя следов.

– Стой! – Забыв о холоде и боли, девушка понеслась за ним.

Он шли довольно долго, спускаясь вниз, петляя сквозь небольшие пещеры, где отчетливо был слышен шум моря. Когда они вышли на место дуэли Арвина и Эдварда, солнце уже садилось. На фоне алого заката, привалившись друг к другу спиной, тяжело дыша, сидели двое мужчин.

– Знаешь, кто это? – спросил Эдвард, кивнув на снежного проводника.

– Конечно знаю! Это манул из местных снежинок! – Она плакала, вытирая слезы, не обращая внимания на то, что руки грязные и в крови. Надо было отмыть их снегом, пока Тая и манул были там, наверху...

Но это неважно! Важно, чтобы он не заметил, что она пла-

чет. Плачет от счастья, что он жив! Пусть думает, что ей все равно. Она так и стояла, шатаясь от усталости, сжимая шпагу с такой силой, что кровь капала на песок. Волны ласково бились о берег, будто успокаивая: «Все хорош-ш-ш-шо-о-о-о. Все хорош-ш-ш-шо-о-о-о-о...»

– Это твой Анук-Чи.

– Прекрасно! Мы будем изучать местную фауну, или все-таки подумаем, как отсюда выбраться? Я есть хочу! – Есть действительно хотелось. А еще кружилась голова, все плыло перед глазами и... Она потеряла сознание.

– Тая!

* * *

– Как ты, солнышко? – тихонько спросила Вероника у сына.

– Да нормально, мам. Не переживай.

Солнце светило в окно как-то неестественно ярко и радостно.

Феликс, стоящий рядом с братом, старательно закивал, подтверждая его слова. Слишком старательно. Ричард делал вид, что его страшно заинтересовала лепнина камина с растительным орнаментом.

Когда Вероника узнала, что с сыном все в порядке, просто на него случайно немножко напали... зелья уже подействовали. До такой степени, что никаких эмоций не осталось.

Только, пожалуй, любопытство: что нового изобрели цели-тели империи Тигвердов? Такой реакции на успокоительные она у себя припомнить не могла.

Ричард все решил за нее. Не спрашивая. И поэтому где-то в глубине души пряталась искорка гнева.

Муж принес апельсиновый сок, объявив, что она слишком бледная. Поэтому, пока не выпьет все до дна, он не сможет сообщить ей нечто крайне важное. Любопытство всегда было ее слабым местом. Купилась... Как ребенок! Выпью до дна – и расскажут что-то интересное! Когда она почувствовала горечь, было уже слишком поздно. Осталась всего пара глотков.

Успокаивало только то, что Пашка выглядел вполне себе здоровым. Чуть бледнее, чем обычно. Но все же.

– Как это произошло?

– Ой, мам... Да какой-то урод на Невском.

И глазоньки такие честные-честные... Феликс чуть дернулся, но промолчал. Ричард стал выглядеть еще безмятеж-нее. Теперь принц Тигверд с интересом изучал набор для ка-мина – кочергу, щеточку и совочек. Очень изящно – чугу-н с серебряной отделкой.

Не работало, увы. Мужчины просто-напросто перестара-лись. То, что от нее, принцессы Тигверд, скрывают истинное положение вещей, было очевидным.

Однако идея подлить в апельсиновый сок успокоитель-ных, равно как и положить Пашку в одну палату с Ирвином,

была, надо признать, вполне успешной. Ричард решил, что если вдруг лекарства не подействуют, то при тяжелом больном в любом случае каких-либо выяснений не последует. И он не ошибся.

Вероника старалась говорить тихо, с тревогой поглядывая на неподвижно лежащего Ирвина. Но и настойка подействовала. Еще как. Это ужасное чувство, когда повод для истерики более чем весомый, а сил на эмоции нет...

«Ну, погоди, лорд Верд! Мы еще с тобою поквитаемся. Как любит говорить мой сын, и на нашей улице перевернется самосвал с шоколадными пряниками...»

Дверь в палату тихонько приоткрылась, и молодая рыженькая целительница – Рене, кажется, – завела в палату заплаканную женщину. Высокая. Худенькая. Но если у Рене волосы горели медным пламенем, то цвет волос посетительницы был точь-в-точь как у Ирвина – будто вызолоченная солнцем сухая трава.

– Ирвин. – Она подошла и неловко погладила его по голове.

Веронике показалось – или в глубине бирюзовых глаз целителя мелькнуло недовольство?

– Не переживай, мы маме не сказали. Тильда заманила ее к себе – помочь с близняшками. А я решила приехать...

Ирвин по-прежнему лежал неподвижно. Смотрел в одну точку. Рене хмурилась – видимо, сестру привели, чтобы как-то расшевелить целителя. Но, судя по всему, эксперимент не

удался.

Вероника тихонько подошла к Рене, кивнула на дверь, и женщины вышли из палаты.

– Что с ним? – спросила она расстроенную целительницу.

– Непонятно, – вздохнула та. – Физически – он здоров. Магически – на него не покушались. Вариант с воздействием был самый достоверный. Но... И принц Тигверд, и милорд Швангау. И даже сам его величество император – все сказали, что ничего подобного они не видят.

– А плохо ему стало, когда он оказывал помощь Паулю?

– Миледи Вероника, ваше высочество! Вот чем угодно клянусь – угрозы жизни молодого лорда не было!

Вероника задумалась.

– То есть вариант с сестрой – как с самым близким человеком – не удался, я правильно понимаю?

Рене отрицательно покачала головой:

– Маму мы позвать не решились. Проблемы с сердцем.

– А девочку... Ту, которую он спас?

– Учитель... рассказывал вам эту историю?

Веронике показалось, что в голосе целительницы промелькнула ревность. Странно...

– Было дело... – пробормотала она, стараясь не отвлекаться. Ну, не признаваться же девушке, что целитель откровенничал не просто так, а чтобы убедить ее спасти императора, впавшего в запой.

– Бедняжка так и не пришла в себя.

– Она жива?

– Да. Но ни на что не реагирует. Ничем не интересуется. И так уже много лет. Мы все испробовали. И самое страшное, что состояние учителя Ирвина сейчас очень похоже на то, с чем мы боролись все это время в отношении Алисии...

Рене вздохнула. Склонила голову.

Вероника вспомнила страшный рассказ целителя о том, как он вылечил обреченного на смерть ребенка. И, словно в ответ на ее мысли, Рене продолжала:

– Учитель Ирвин говорит, что девочка ничего не помнит. Ей было всего шесть лет. Но мне кажется, это не так. Алисии снятся кошмары. Она не любит красный цвет, в ее комнате не зажигают камин. Мать сама отдала девочку в руки палачей. Умоляла избавить мир от порождения Тьмы точно так же, как когда-то умоляла целителя спасти дочери жизнь. – Голос девушки стал совсем тихим. Последние слова целительница произнесла почти шепотом, но Вероника услышала.

Холод пробежал по позвоночнику. Нет. Она отказывается понимать. Это... невозможно! Если будет об этом думать, просто сойдет с ума. Надо переключиться. Сейчас важно – помочь Ирвину. А Алисия... Она подумает об этом потом, когда и целитель, и сын поправятся.

– Слушайте. – Вероника посмотрела девушке в глаза. – Мне показалось, что присутствие сестры Ирвину в тягость.

– Разве?

– Пойдемте проверим!

Они зашли в палату. Прислушались.

– Я думаю, тебе стоит поехать домой, – говорила сестра. – В поместье сейчас чудо как хорошо. Мы будем гулять...

«Смотри...» – Вероника мысленно прокричала это Рене и даже схватила за руку. Неужели она не видит, как в глазах Ирвина появляются обреченность, тоска?

– Мама будет рада. И...

«А вот тут он точно вспомнил про спасенную девочку – ее, наверное, возят на колясочке...»

– Ты просто устал...

«Вроде бы неудобно громко спрашивать у больного – хочет ли он всего этого, но...»

Выручила Рене. Девушка подошла к сестре Ирвина, приобняла ее. Пробормотала что-то успокаивающее про то, что учитель действительно устал. И вывела из палаты.

– Вы же не хотите в поместье? – тут же спросила Вероника у целителя.

Да! Она не ошиблась! В глазах мелькнуло облегчение.

– Но и здесь вы оставаться не хотите?

Интерес.

– Вероника. – Ричард подошел, приобнял за плечи. – Как бы тебе ни хотелось помочь... Ты же видишь, дорогая. Он не реагирует.

Ричард задумался. Может, не стоило выливать два пузырька? Хватило бы, наверное, и одного. Но когда он увидел

сына с пробитой головой, когда понял, что Тая пропала...

Вероника. Она так симпатизировала этой девочке, читала ему ее стихи. А сын? Как он ей скажет? Перед глазами тут же вставала картина: с любимого лица уходит краска, из глаз — блеск, и он еле успевает поймать жену, падающую в обморок.

Нет. Так он не желает.

Дверь бесшумно открылась, вошли целительницы: рыженькая (почему Вероника никак не запомнит, как ее зовут?) и леди Бартон. Обе внимательно прислушивались и одобрительно кивали...

Вероника накрыла руку мужа своей, слегка сжимая в благодарность за поддержку. Пристально всматриваясь в неподвижный взгляд целителя, она продолжала задавать вопросы:

— Петербург? — Теперь даже Ричард заметил легкое отвращение в глазах больного.

— Капризничаете, Ирвин... Море, может быть? Горы? Необитаемый остров?

Пауза. Вероника напряженно всматривается в глаза Ирвина и довольно кивает:

— Точно! Уверена, я угадала. У вас такие же мечты, как и у Ричарда. Не удивлена.

— Гхм... А как ты это себе представляешь? — не удержался принц Тигверд. — Он же...

И главнокомандующий кивнул в сторону лежащего больного.

– Тебе что, – разозлилась Вероника, – острова жалко?

– Вообще-то у нас много целителей. Мы вполне можем организовать дежурство около Ирвина, – поджала губы леди Бартон.

– Я могу присмотреть, – тихонько проговорила Рене.

– Ричард... Пожалуйста!

– Я не вижу в этом никаких проблем. Все что угодно, лишь бы ты была счастлива... – и образцово-показательный муж приложился к ручке ее высочества. И почему так хочется пригрозить сковородкой? Вроде все для нее, Вероники, для любимой. Наверное, она злится за апельсиновый сок с успокоительной настойкой. Наверное...

Глава 4

Голоса. Знакомые, но далекие. Что-то горячее и шершавое лизнуло руку. Снег...

Тая приоткрыла глаза. Снег. Снег падает с потолка огромной залы. Что это? Дворец? Чей?

– Твой, – раздался голос в голове.

– Кто ты?

Низкий тихий смех.

– Я – ты, – был ответ.

Рядом сидел манул. На этот раз зверь был вполне реален, с мягкой пушистой шерстью, толстым хвостом, широкими лапами и яркими синими глазами.

Только сейчас девушка заметила, что снег в мраморном дворце шел лишь там, где стояла ее мохнатая фантазия. Снежинки кружили над круглыми ушками, отгораживая их белой стеной от остальной части залы.

Тая пошевелила рукой – шпага рядом. Дотянуться и схватить – не проблема. Хорошо. Голоса. Надо закрыть глаза – пусть думают, что я сплю.

– Не выдавай меня, – попросила зверя одними губами.

Тот кивнул, а снег пошел сильнее и гуще, так что разглядеть ее теперь было невозможно.

– Спасибо...

– Как долго... – тоска в знакомом голосе. – Почему она не

приходит в себя? Я же чувствую, что с ней все в порядке!

Манул лег, положил морду на лапы, прикрыл глаза. Снег пошел сильнее. Еще сильнее!

– Может, она просто не хочет с вами разговаривать. А ее магический зверь...

– Анук-Чи...

– Хорошо, Анук-чи – вас из-за этого и не пускает.

– Я мало знаю о чкори. – Милфорд сделал вид, что не слышит собеседника. – О них вообще мало кто знает. Чкори хранят свои знания, передавая их только потомкам по крови. Среди них, правда, много полукровок, и никаких ограничений для них нет, но я никогда не слышал, чтобы чкори обучали кого-то, кто не был бы с ними хотя бы в дальнем родстве.

– А Тая?.. – Арвин пять лет изучал чкори, потому что это единственные маги, что существуют во всех мирах! Маги, способные строить порталы по велению души. Их религия – Путь, и путешествуют они по Договору с Дорогой. Пыль случайных дорог – золото. Величайшая ценность. Запах трав – огромное богатство. Тотемные духи – друзья. Он нашел чкори и надеялся, что ему помогут. Его мечта, его надежда. Призрачная. Последняя. Но имперцу знать все это совершенно не обязательно. Пока...

– Тая – чкори. Это видно. У них ярко выраженный тип внешности. Особенно у женщин. – Маг говорил подчеркнуто равнодушно. Откинувшись на черный бархат трона, ми-

лорд положил шляпу на лицо, делая вид, что собирается по-дремать.

Арвин задумался, вспоминая недавние события. Тая упала в обморок, поднялся ураган, из-за снега на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно. Его оглушило, а потом они все трое оказались здесь. В огромном белоснежном зале. Длинном и узком. Черный ковер. На таком хорошо фехтовать. Видимо, для девушки это не просто увлечение, спорт, а... нечто большее.

Арвин Эйш чувствовал – они в мире грез. Это место напрямую было связано с сознанием чкори.

У стены стоял самый настоящий трон. Серебро. Черный бархат. Стихийник забрался на него первый, Арвин и глазом моргнуть не успел! Неслыханно. Он, правитель Ваду, вынужден был устроиться у ног уличного музыканта, на ступеньках, как... какой-то шут!

Милфорд не сводил глаз с девушки, что лежала у противоположной стены, бережно охраняемая верным Анук-Чи.

Что он знает о чкори и этих их... тотемных духах? Ни-че-го. Пару раз видел, как за спиной Ре в минуты отчаяния или гнева появлялся огромный огненный конь. Все. Теперь дикий кот лежит посреди дворца. Над пятнистой макушкой танцуют снежинки. Что это нам дает? Опять-таки – ни-че-го...

Стихийник задумался, и это дало нэйро возможность вновь слиться с его сознанием. Он скользнул туда легко, бес-

препятственно и незаметно. На мгновение. Но этого было достаточно.

– Скажите... э-э-э...

– Милфорд. Милорд Милфорд, – любезно напомнили из-под шляпы.

– Зачем все это?

– Что именно?

– Эти надрывы... Почему просто не быть вместе? Тем более что девчонка отвечает вам взаимностью! И это несмотря на то, что вживую вас никогда не видела.

– Да что вы обо мне знаете!

– Не много. Высокопоставленный аристократ. Военный в чинах. Не так давно ваша страна выиграла войну. Я так понимаю, с вашей помощью. Нервный срыв. Много алкоголя. Очень много чувства вины. Не так легко вам далась эта победа?

– Нэйро! – выдохнул с ненавистью его собеседник. – Лишь бы в мозгах копать!

– Любовь. – Арвин продолжал, делая вид, что не слышит. – Знаете, что я понял за все эти годы скитаний по разным мирам? Позвольте мне поделиться опытом, доставшимся, поверьте, нелегко. Возможность быть с любимой рядом – величайшая ценность. Во всех мирах. А вы так небрежно прошли мимо своего счастья.

– Замолчите!

– Я пытаюсь оправдать себя тем, что действовал ради спа-

сения. Любви. Семьи...

– Любопытно, насколько император Тигверд примет в расчет ваши оправдания...

– А при чем тут он?

– Молодой человек, которого вы ударили по голове и чуть не убили – его внук! Пауль Тигверд...

– Пашка? – Девушка так удивилась, что распахнула глаза. – Почему Тигверд? Он же Журавлев?!

Манул встал, отряхнулся. Потянулся. Зевнул. Большой, толстый, пушистый кот! Тая улыбнулась, запустила руки в густую шерсть. Но стоило мужчине встать, чтобы подойти к девушке, зверь зарычал, оскалив огромные клыки.

– Тая! – возмутился Эдвард.

Но девушка лишь торжествующе улыбнулась, продолжая тискать своего грозного охранника.

– Расскажи мне о себе. Правду, – попросила Тая. – А то я знаю только, как тебя зовут. Если, конечно, это твое настоящее имя.

– Эдвард Грегори Шир. Милорд Милфорд. – Мужчина поклонился.

– Впечатляет...

– Водный маг. Начальник имперской контрразведки. В отставке.

– А где мы находимся?

– Думаю, что в Пустоте. Хотя не уверен, – маг сказал это, ни к кому особо не обращаясь.

– В Пустоте. Но ты не уверен... Понятно, – буркнула про себя в свою очередь Тая.

– Пустота – не простое место. Ничто. Брешь между мирами. А в ней – потайная дверь.

– Дверь? – Тая оглянулась.

Зал длинный. Узкий. Белый мрамор. Трон. Какой... огромный! Черный бархат. Серебро. Ковер. На таком удобно фехтовать. Но самое странное не это. А то, что здесь не было никакой двери! Ни входа. Ни выхода. Ничего!

– Дверь. Дверь, за которой тебя подслушивает Вечность. Прошепчи желание – и дверь откроется. Вечность, всемогущий ребенок, испугается и убежит, потому что знает – подслушивать нехорошо, а ты окажешься там, где захочешь.

Тая посмотрела Милфорду в глаза. Захотелось сказать, что ей все равно, куда идти. Лишь бы рядом с ним...

А Эдвард Грегори Шир милорд Милфорд тем временем осторожно, но настойчиво подбирался ближе, и, надо признать, весьма успешно! И хотя снег пошел сильнее, начальнику имперской контрразведки в отставке удалось-таки осторожно дотронуться до серебристо-голубоватой шерстки манула.

– Хочу добавить от себя, – заметил Арвин, перестав надсмехаться над самим собой и Эдвардом, – вам, Таисия, надо учиться контролировать силу. Учиться работать с магией. Потому что иначе вы можете погибнуть сами и погубить тех, кто рядом.

– Почему я должна вам верить, Арвин Валентайнович? Вы уже обманули меня... Дважды.

– Согласен. Я прошу прощения за трюк с веревкой и инсценировку похищения. За то, что по моей вине пострадал ваш друг. Но все остальное – правда. За всю свою жизнь я не был так открыт и искренен...

– Так что же все-таки правда?

– Мое имя – Арвин Эйш, король в изгнании. Много лет вынужден скитаться по разным мирам. Это правда. Я ищу жену и детей. Безуспешно. С каждым днем чувствую, что им грозит опасность, что времени все меньше. Это... пытка...

– Вы – нэйро. Из какого мира? – быстро спросил у него Эдвард.

– А нэйро?.. – Тая перехватила взгляд из-под шляпы.

– Нэйро – маг, владеющий способностью сливаться с чужим сознанием. И – да, подобный феномен существует в разных мирах. В империи, например, их нет. Однако закон, запрещающий использовать подобную силу, существует. Для наших «гостей». Так сказать, во избежание.

– Хорошо, что в мире Таи такого закона нет. – Нэйро улыбнулся.

– Так из какого мира? – повторил свой вопрос начальник имперской контрразведки.

– Королевство Ваду.

– Королевство Летающих Песков?! Надо же... Не самое приятное место.

– Вы были у меня на родине?

– Главный целитель его величества оттуда. Его спас наш император от сожжения. А после того как император Фредерик Тигверд столкнулся с вопиющими случаями уничтожения магов, мы развернули эвакуацию. Ваши подданные, например, превосходные целители. Уничтожать их не только преступно, но и глупо!

– Магия – зло, – отрезал король в изгнании.

– Магия – это особенность человека. Как цвет волос или длина рук. А в вашем мире она разлита столь щедро, что любой житель королевства Ваду – потенциальный маг.

– Это не может быть правдой.

– Так говорит милорд Швангау – а он не просто так является верховным магом императора Фредерика. Мой брат много лет изучал – пусть и вынуждено – другие магические техники, отличные от тех, что используем мы – стихийники.

– Слушайте, – не выдержала Тая. Как же вы живете с тем, что магия – это зло? Вы же сами – маг!

– Это проклятие всей моей жизни, – тяжело вздохнул Арвин. – Много бы я отдал...

– То есть ваши ближайшие соратники, узнав о том, что вы – маг, свергли вас? – зло усмехнулся Милфорд.

– Хуже. Я узнал о том, что члены Совета инквизиторов – тоже маги. Все...

– И вы, скорее всего, не удержали при себе эту полезную информацию?

– Я был молод. Глуп. Импульсивен. После того как скоропостижно скончался отец, меня короновали. Это – будто попасть в песчаную бурю. Вихрь захватил и несет куда-то, разрывая легкие горячим песком. Я оказался не готов к правде. Потому что все, ради чего я жил, во что верил, ради чего отправлял людей на смерть... Это все – ложь. И не сдержался.

– М-да, с отправлением людей на смерть вы развернулись серьезно, – мрачно проговорил Эдвард. – Особенно с учетом того, что это ваши же собственные подданные. И вы как правитель обязаны были, наоборот, предоставить защиту. Обеспечить безопасность. Любой ценой.

Тая сидела, обнимая манула. Кот мурчал на ухо что-то утешительное. Она слушала слова, которые произносили мужчины, но никак не могла осознать, что все это – правда. Не страшная сказка. Не триллер, который смотришь, чтобы пощекотать нервы.

Королевство Летающих Песков. Правитель. Инквизиторы. Казни. Костры...

Все это очень напоминало «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Книжку, ненавистную с детства. И не потому, что в сказке было что-то, с чем Тая была принципиально не согласна. Просто... Просто ее все время читала няня. А няня появилась, когда... Когда мамы не стало. Вот и вся ненависть.

– Вы же ничего не знаете, – между тем с отчаянием говорил король в изгнании, – мой прапрадед вел войну с магами.

Это они наслали на Ваду Пески...

Арвин резко встал, прошелся вдоль ковра. Задумался. Над троном висели шпаги. Король выбрал одну из них и жестом предложил девушке присоединиться:

– Таисия? Вы фехтуете? Составите компанию? Не откажите в удовольствии. Неизвестно, сколько нам еще здесь находиться. Думаю, хуже не будет, если мы немного разомнемся.

Эдвард резко встал, Тая тоже вскочила, схватив лежащую рядом шпагу – подарок созданного ею мира.

– Что вы так всполошились? – Арвин удивленно поднял брови, обращаясь к милорду. – Я же не на дуэль вызываю вашу даму! Немного разомнемся, и только. Или, может быть, вы сами хотели предложить это девушке? Пожалуйста, я подожду!

– Благодарю. Предпочитаю соперника, равного по силе. Не принимайте на свой счет, дорогая. – Аристократ поклонился девушке, приподняв шляпу.

– Зря! Вы недооцениваете нашу прекрасную спутницу! Таисия Лукьяненко, да будет вам известно, чемпионка мира среди юниоров, и, если я правильно помню, третье место на России среди взрослых? Уверен, что и Европа в этом году ей покорится!

– Если я туда попаду, – прошептала девушка.

Она вдруг поняла, что ее привычная жизнь закончилась. Навсегда. И не только потому, что они могут не выбраться

отсюда.

А Вероника Евгеньевна? Пашка? Ведь они... такое пережили! Их жизнь уже тоже не будет прежней. Понятно теперь, почему Журавлев решил ей ничего не говорить. Окажись в такой ситуации она сама... Нет. Она не знает, как бы она поступила. Но она точно знает, что больше никто! Никто и никогда не будет решать за нее!

– Я готова, Арвин Валентайнович!

– Таисия, я больше не хочу врать. – Арвин Эйш поклонился, показывая, что готов к поединку. – Я хочу, чтобы ваше решение о том, будете ли вы мне помогать, было осознанным, осмысленным. Я хочу показать вам фрагменты моей жизни. Мне нужно, чтобы вы на чем-то сосредоточились. Все произойдет само собой и не причинит вам никакого вреда. Обещаю.

– Нет! – Милфорд вскочил.

– Я согласна! – Тая вытянула руку в направлении имперца. – Хватит решать за меня! Спасибо, что предупредили, Арвин Валентайнович. Очень вас прошу – поступайте так всегда. Может, со временем я смогу вам доверять. – Тая поклонилась в ответ.

Скрестились шпаги.

Ветер нес песок со стороны Рассветных гор. Крупные редкие грязно-серые хлопья, больше похожие на пепел. С каждым мгновением все гуще и гуще. Паника. Крики. Бегство...

Город, занесенный по самые шпилы, ставший общей могилой для тех, кто не успел выбраться.

Гулкие тяжелые шаги в тишине, эхо поднимается к самым сводам мрачного, серого замка. Треск факелов. Фигура в темном плаще входит в тронный зал.

– Маги?! – хриплый голос богато одетого мужчины – точно-точно Арвин, только волосы тронуты сединой. Корона на нем, пальцы усыпаны перстнями. Вот этот, с огромным кроваво-красным камнем, Тая уже видела. – На нас напали маги? Да еще наши подданные?

– К сожалению, это так, ваше величество.

Коленопреклоненный гонец нарочито спокоен. Сдержан. Почтителен.

Но король этого не замечает. Он барабанит по ручке кресла, потом говорит:

– Но следов влияния извне нет?

– Ваше величество желает знать, есть ли признаки того, что нас пытаются завоевать?

– Именно так, советник Айш. Какая-то же причина у магов была, чтобы выступить против своего короля.

– К сожалению, ваше величество, пленных, чтобы допросить, у нас нет. И переговоров с нами мятежники вести не хотят. А песок наступает.

– Готовьте войско. Я выступаю.

Фигура короля Ваду подернулась пеленой... Вместо него Тая увидела снежного манула. Улыбнувшись на манер Че-

ширского кота, зверь медленно растаял в воздухе. Снег, шум волн... Они... вернулись? Звон металла, что-то сильно кольнуло в плечо.

Девушка очнулась. Море, снег, манул – все исчезло. Под ногами хрустел серый песок, в который ноги проваливались по самую щиколотку. А над головой шумел вековой лес.

– Где мы? – спросила Тая.

– В Ваду, – ответил король, у которого странно подрагивали губы.

– Вопрос, как мы тут оказались. – Эдвард посмотрел на его величество в изгнании очень и очень недобро...

* * *

Герцогиня медленно плыла по комнате Таи. Иногда оставалась. Закрывала глаза, поднимала руки над головой ладонями вверх.

Миро ненавидел подобные фокусы! Эти а-ля трансовые состояния, когда запрокидывают голову, трогают ладонями воздух... Цирк! Видел таких. Как это... ах да, экстрасенсы! Его раздражали попытки знакомых осторожно выяснить, есть ли среди его родственников потомственные гадалки, и не могли бы они чем-нибудь помочь. Не безвозмездно, понятное дело. Терпеть он всего этого не мог, но...

Но сейчас все было по-другому. Холод, колючий, более чем реальный, сковал позвоночник. Мирó видел золотые

нити, парящие вокруг тонкого запястья этой удивительной женщины. Огромная птица взмахнула крыльями и исчезла у него на глазах. Теперь под длинным плащом Рэймской извивалась самая настоящая змея! Блестящая, с золотистым узором. Господи, а если эта тварь ядовитая? Если бы не Тая, он бы уже выгнал эту... женщину.

Но... как она была красива! Необыкновенно красива! Так красива, что дух захватывало. В груди что-то щемило, внизу живота ворочалось, и кровь прилиwała к щекам. Все это выводило полковника ФСБ из себя.

Умом он понимал, что ему пытаются помочь. Что эта... герцогиня (скажите, пожалуйста!) ни в чем перед ним не виновата. Он ведет себя просто недопустимо. Но бороться с собой не было сил.

Мужчина стоял, скрестив руки на груди, всем своим видом показывая свое весьма однозначное отношение к тому, происходило. Сколько скептицизма в глазах. Глаза... Глаза настоящего чкори! Черные, блестящие. А аура! Сколько магии! Его род ей был неизвестен, но о том, что он древний и сильный, говорила музыка в сердце этого недовольного человека. Золотая, тягучая. Сколько же силы нужно использовать каждую секунду, чтобы сдерживать эту лавину! Лавину настоящей магии. Древней. Мудрой. Зачем? Почему? Но это сила не колдуна. Это сила воина. Собственно говоря, если она все правильно понимает, чкори в этом мире воин и есть.

Рэймская вздохнула. Сосредоточилась на девочке. Мать – колдунья. С почти не раскрытым потенциалом. Жаль. Могла бы быть сильной целительницей. Отец – воин. А девочка... О нет! Нет... Не может быть! Клан Скользящих в Пустоте... Но это... Это же... Легенда? Кто? Отец? Герцогиня повернулась к мужчине, всматриваясь в его глаза. Мужчина взгляд выдержал.

Анук-чи змеей скользнул из-под плаща по комнате, кольцом свился у кровати. Что это? Книга? Дарина подняла толстую, исписанную изящным почерком тетрадь. Открыла.

*В тишине, пустоте, снегу,
Пряной горечи сладких снов
Серым облаком плыл манул,
Желтым глазом пугая сов.
Паутиной ушедших дней,
Серебристою тенью рос
Всю Вселенную меж ушей
Над собой, как корону, нес.*

– Подайте мой саквояж! – Женщина махнула рукой в сторону коридора.

– Это еще зачем? Вы что, жить тут собираетесь? – Полковник, еле сдерживаясь, как мог незаметно сжал кулаки.

Она действительно пришла с каким-то потрепанным чемоданом. А еще герцогиня! Ходит по дому – то птицы летают, то змеи ползают. Развела тут антисанитарию с чертовщи-

ной, трогает Тайны вещи, читает ее записи, еще и командует!

Он никогда не входил к дочери без стука. Никогда не трогал ее вещи. Конечно, за ней следили его люди. Круглосуточно. А как же? Вдруг с ней что-нибудь случится? Следили... Не уследили!

Злость горячей волной заполнила душу. Как же он боялся этого дня! Дня, когда в их с дочерью привычный, немного холодный, но все же упорядоченный мир огромной хищной птицей ворвется... ЭТО. Магия. Иные грани реальности. Тигверды. Чкори. Он ведь знал. Знал, что так будет. Сходил с ума с того самого момента, как иные, прикрываясь именем императора, просили содействия в розыске некого герцога Рэймского. Конечно, он связался с дворцом. Выяснил, что это блеф. Дальше они там сами разбирались. Но уже тогда понял, что опасность близко. Этот Журавлев, будь он неладен. Никогда полковнику не нравилось увлечение фехтованием. Слишком опасно! Лучше бы на дискотеки ходила...

Будто прочтя его мысли, женщина застыла у фотографии, что висела над кроватью вместе с медалями.

На девушке был белый костюм, в руках – шпага с лезвием тоньше паутины и какой-то круглый предмет. На груди – орден. Ее посвятили в воины? Таковую... хрупкую? Как странно. Она всматривалась в тонкие, изящные черты, пытаясь найти хоть что-то, что могло бы помочь связаться, почувствовать. Но нет. Ничего...

– Я не собираюсь здесь жить. Нам необходимо взять с собой несколько вещей из покоев Таи. Собирайтесь! Мы уходим.

– Уходим? Куда?

– Увидите.

– Послушайте, вы! Ваше... как вас там...

– Герцогиня Рэймская. Вы можете называть меня Дарина, если угодно.

– Послушайте, Дарина... Может быть, вы объясните наконец, что здесь...

– У нас мало времени. Вы хотите найти дочь?

– Да.

– Собирайтесь.

* * *

– Где мы?

Сколько недовольства в голосе! Даже император Тигверд не позволял себе разговаривать с ней в подобном тоне. А этот... Некто полковник Лукьяненко... Уже начинал раздражать.

– Мы в империи?

– Нет. – Голос правящей герцогини был сух и спокоен.

– Зачем было вообще куда-то переноситься? Голова болит... – Последние слова полковник произнес устало. Почти жалобно. Как будто сдался, потому что вдруг раз – и кончи-

лись силы. А вместе с ними и злость.

– Магия чкори здесь сильнее. Вас надо научить. Быстро. Хотя бы элементарным вещам.

– Ненавижу магию, – прошептал полковник в надежде, что его не услышат.

Герцогиня вздохнула. Когда к ней обратился Фредерик Тигверд с просьбой помочь в поисках девочки-чкори, Дарина Рэймская никак не предполагала, что ей придется нянчиться с мало вменяемым господином, который, к тому же, «ненавидел магию»... Может, его дочь просто сбежала – пусть даже и с нэйро? Но тут герцогиня вспомнила. Вспомнила силу и безжалостность, с которой похититель обрушился на Ричарда. На сильнейшего мага, имперского палача. Неужели девочка связалась с этим типом добровольно?

Они шли вниз по песчаной дороге, к лесу. Мимо холмов, покрытых мелким багровым мхом.

«Будто пролили кровь», – подумал Лукьяненко, с удовольствием вдыхая ароматный свежий воздух. Женщина что-то пробормотала над его головой, едва коснувшись сидящих висков, и боль ушла. Чувствовал он себя намного лучше, надо признать. Над ними летела все та же птица, вот только вместо перьев – золотой песок.

Они пришли на поляну. Женщина села на траву, жестом приглашая его присоединиться. Огромная песчаная змея свернулась тут же. Вот ведь... чертовщина! Чертовщина и есть...

Что она задумала? Не на пикник же они сюда притащились...

– Расскажите мне о дочери.

Герцогиня Рэймская разложила вокруг себя вещи Таи, которые отобрала в ее комнате. Миро тяжело опустился рядом. Сердце сжалось... Где же ты, девочка?

– Это ее любимая игрушка. Кот облезлый. Она до сих пор, когда нервничает, прижимает его к себе.

– Не кот. Манул. Видите – пятнышки на макушке. Лапы толстые.

– Какая разница. Дикий. Домашний. Городской. Из каменистых степей Азии. Все равно кот.

– Для Таи это было важно. Она писала стихи. Вы знали?

– Стихи? Да все девушки в этом возрасте пишут стихи! Стихи, мальчишки... Но только не она. Она... Вот это, – Миро взял в руки золотую медаль, покачал перед носом у герцогини, – для нее было гораздо важнее.

Он вздохнул. Потянулся за шпагой:

– Это ее шпага. Спать не ляжет, пока не надраит всю эту амуницию. Форму, маску. Только на это деньги и просила. Нет чтоб на платья какие-нибудь там, косметику... Нет. Папа, мне нужна шпага. Папа, маска порвалась. Папа, я из обуви спортивной выросла. Папа, перчатки нужны еще одни, у нас соревнование скоро... Знаете... Это, пожалуй, все наше с ней общение и было. Нет, не всегда, конечно, но... Последнее время...

– А это? – Дарина осторожно, будто хрустальную вазу, подняла со дна саквояжа пояс. Точно такой же был и на герцогине.

– Странно... Я считал, что его выкинул. Много лет назад.

– Зачем? Это же... Это принадлежало вашей жене? Пояс

– сила колдуньи нашего племени! Если бы мама Таи была жива, она подарила бы дочери такой же. В двенадцать лет. Скажите, а волосы вы...

– Хватит! – Миро вскочил, попытался вырвать пояс из рук чкори, но та оказалась проворнее. «Неплохая реакция», – мелькнуло в голове.

– Не трогайте!

– Ненавижу! Ненавижу весь этот хлам! Я сжег! Сжег все! Травы, книги на непонятном тарабарском языке, вещи! Шкатулку с драгоценностями отдал тетке, и вот это! Это тоже надо было сжечь! Где? Где вы это нашли? Откуда взяли?!

– Анук-чи нашел. Под кроватью. У Таи был там тайник. Под паркетом.

– Я... хотел сделать ремонт. Она все откладывала. То соревнования на носу, то еще что... Лиса!

– Тая надевала его? Вы не знаете?

– Хуже! Она татуировку с этой штукой сделала!

– Сделала что? Сядьте! И перестаньте кричать!

– Татуировку. – Мужчина, обессилив, опустился на траву, обхватил голову руками, и заговорил тихо, еле слышно: – Это... такой узор. Иголкой под кожу впрыскивается краска.

На всю жизнь...

– Где? – спросила чкори.

Миро молча указал на поясицу. В голосе герцогини было что-то... Какая-то сила, заставляющая покоряться.

– Почему вы отказались от дороги? Чтобы заблокировать магию? – вдруг спросили полковника.

Надо же. Она... знает. Хотя чему удивляться? Колдунья! Она все, наверное, знает.

– Дорога, – усмехнулся Миро. – Магия. Мои предки, сколько себя помню, были защитниками. Воинами. И дорог в их жизни было предостаточно. А магия... Глупости это все. Неумение найти себя. Страх. Страх ответственности. Жаль, что я... – Он сжал пояс, словно хотел разорвать его. Уничтожить.

– Вы, наверное, очень рассердились на дочь тогда? – Женщина смотрела ему прямо в глаза.

– Да. Рассердился...

– Представляю, какой был скандал. – Герцогиня осторожно забрала у мужчины пояс и спрятала в складках плаща.

– Вы считаете, что вправе осуждать меня?

– Ни в коем случае.

Рэймская вспомнила о том, что так и не рассказала своему сыну правду. Пауль – его названный брат – в госпитале. Но мальчику ничего не грозит, а она так давно не видела Геральда. Ее сын предпочитал общаться с Паулем и Феликсом. Все-таки мальчишки, общие интересы. Но если бы только

это... Внутри сердце сжалось от еще одной мысли... Геральд охотнее разговаривал с Вероникой, чем с ней.

Дарина вздохнула. И спросила, стремясь изгнать из головы мучившие мысли:

– Скажите, а вы Тае волосы в косы заплетали?

Глава 5

– Значит, Ваду... Ловушка...

Тая поежилась от холодного, сосредоточенного равнодушия, в котором не было ничего человеческого. Ледяной голос Эдварда был сухим, тихим и звучал как... сама смерть. Девушка поняла вдруг, что водный маг сейчас нападет, и удар этот будет последним.

Перед глазами помутилось, песок поднялся, пеплом закружился вокруг, и она увидела, как падает Арвин. Очнувшись, поняла, что это было лишь видение, и закричала:

– Эдвард, нет!

Синие пылающие глаза. Маг смотрел ей в глаза, но он ее не видел. Страшно.

– Эдвард, послушай меня, очнись! Арвин не в себе, ему же плохо!

Тая понимала, что на нее Эдвард обращает внимания не больше, чем на надоедливую мошку, что он сейчас попросту odstranit ее от себя и...

Девушка коснулась губами его губ.

Это было... как прыгнуть в море с высокой скалы. Какие твердые у него губы! И... холодные.

Тая замерла. Гнев мага прошел, она чувствовала. Арвин спасен от смертельной расправы – она знала. Но...

Обида сжала сердце. Как же так... Ведь она мечтала об

этом. Во сне. Наяву. И... все вот так. Нелепо. По-дурацки. Не нужно... Ему это не нужно! Стоит как столб. Равнодушно. Дура! Какая же она дура!

Тая рванула прочь. От этого мужчины. От унижения. В голове осталось лишь шуршание серого пепла, заглушающего грохот бьющейся в ушах крови. И хорошо. Хорошо, что пепел, хорошо, что тихо. Пусть все превратится в прах и песок! Ей ничего не нужно, ей никто не нужен! Ни друзья, ни враги, ни этот...

– Тая...

Сильные руки хватают за плечи. Сильно, но мягко, как-то по-кошачьи, притягивают ее к себе. Она мотает головой, изо всех сил стараясь не открывать глаза.

– Тая...

В его голосе – нежность. Эта нежность растет, как наступающий на сушу прилив, и нет от нее спасения. Да и надо ли оно...

– Я глупец, – тихо говорит он ей на ухо. – Потому что решил, что смогу жить без тебя. И даже не задался вопросом: зачем?

Тяжелый вздох. Эдвард осторожно убрал волосы с ее заплаканного лица, провел пальцем по щекам, стирая мокрые, черные дорожки от летящего со всех сторон песка. И поцеловал. Это было... Как во сне. Как в самых сладких мечтах. Хотя нет... Лучше. Еще лучше.

– Давай разбираться, что происходит. И уходить порталом

в более приветливое место.

Милфорд обнял девушку за плечи и уже спокойно обратился к Арвину:

– Не сочтите за труд, ваше величество, просветите меня. Как мы тут оказались?

Король ответил не сразу. Какое-то время несчастный пытался взять себя в руки. Когда ему это наконец удалось, нэйро закричал:

– Не может быть! Этого просто не может быть! Мне же удалось их спасти!!! Удалось!

Мужчина упал на колени, обхватив руками голову, уходя все глубже и глубже в серый горячий песок. Деревья над его головой жалобно стонали от ветра, искренне жалея своего короля. И только песок равнодушно летел мимо, не зная ни боли, ни тоски.

Эдвард Милфорд щелкнул пальцами – и на Арвина обрушился целый водопад ледяной воды. Тая, взвизгнув, отскочила, а грязные от песка листья деревьев устроили магу настоящую овацию! Милфорд прислушался к окружающему миру. Земля стонала. Деревья плакали. Миллионы крошечных сердец птиц, зверей и насекомых рыдали, корчась от боли. Песок. Песок душил, выжигал все живое. Долго этот мир не вынесет...

Король в изгнании затих. Стихли деревья над его головой. Тихо. Слышно было лишь, как течет в этом странном мире песок. Когда Арвин поднял наконец глаза, в них был гнев.

– Так-то лучше, – кивнул Милфорд. – Истерики непродуктивны. Лучше злитесь. И направьте вашу злость на тех, кто вам противостоит.

– Тая, – Арвин не обратил на Милфорда никакого внимания. – Попробуйте, посмотрите. Жена... Жена и дети. Неужели их обнаружили и захватили? Неужели они у моих врагов?!

– А как это сделать? – растерянно спросила девушка. – Поймите, я с удовольствием. Но я не умею!

– Осторожнее со словами, – предостерегающе поднял руку Милфорд.

– У меня нет стремления подловить Таю на ее доброте и заставить делать что-то против ее воли, – ледяным тоном сообщил король магу. – Тая... пожалуйста.

– Как?

– Насколько я знаю, а знаю я о магии чкори, увы, немного. Так вот, насколько мне известно, они задают вопросы Дороге.

– Здесь лес. Где я дорогу возьму?!

Оба мага печально вздохнули.

Тая раздраженно зажмурилась. Маги! Как фокусы всякие вытворять, так они первые! Водой облить – пожалуйста, в мозгах поковыряться – легко! А как доходит до дела, ничего объяснить толком не могут! Дорога, дорога... Тая оглянулась. Вокруг – лес. Лес и песок. Песок, вечно попадающий в глаза. Девушка снова зажмурилась. Так крепко, как только

могла. Дорога... Где же ты, дорога?

И вдруг перед глазами появилась картинка.

– Море, – тихо говорит Тая. – Белые дома. Невысокие, будто игрушечные. Фонтаны. Набережные. Сады. Красиво...

И женщина. Она плачет.

– Значит, они не здесь, – шепчет король.

Милфорд кивает и тут же приказывает:

– Рассказывайте, Арвин! Все как есть.

Арвин садится, приваливаясь спиной к сосне.

– Я уже рассказывал о том, что услышал разговор, не предназначенный для моих ушей. Ворвался в зал. Кричал о правде, честности, вере, справедливости... На меня напали в цитадели инквизиторов. Мои охранники погибли, но дали мне возможность... прожить чуть подольше. Меня гнали по подземным уровням цитадели, как взбесившуюся крысу.

Арвин грустно усмехнулся.

– Потом пришел гнев. Заволокло сознание. В какой-то момент я почувствовал, что голова разорвется. Боль, ненависть, отчаяние – все смешалось. Эмоции вылились на тех, кто меня преследовал. Вся мощь магии, запертой в теле, вырвалась наружу неконтролируемым потоком.

Конечно, я чувствовал в себе некую силу. Слышал чужие мысли. Мог успокоить расшалившихся детей. Мгновенно. Но я запретил себе даже думать об этом! Страх. Липкий, холодный. Страх всегда был со мной. Змеей вползая в сердце, он шептал мне ночами о том, что я – чудовище. Такое же чу-

довище, коих я лично отправлял на страшную, мучительную казнь. Такое же, если не несоизмеримо большее! И я сходил с ума от этого шепота, от щекочущих вены потоков силы... Силы, которую, несмотря ни на что, чувствовал в себе...

– Вы вырвались из цитадели? – шепотом спросила Тая.

Арвин кивнул.

– Я выжег мозг тем, кто меня преследовал.

– К сожалению, не всем, – проворчал Милфорд.

Король в изгнании вздрогнул. Тая посмотрела на мага воды с упреком.

– Магия – это страшно, – тихо проговорил король. – И когда через несколько часов толпа ворвалась во дворец меня арестовывать, я понимал, что это – справедливо. Я стал той тьмой, что грозит нашему миру. И которую должно уничтожить. Но перед этим я успел выстроить портал и отослать родных. Жену. Сына. Дочь... И... единственное, что мне непонятно – почему меня не казнили. Почему меня просто изгнали.

– Изгнали, – нахмурился Милфорд. – Оставить в живых свергнутого короля... Такой риск. Для этого причина должна быть более чем весомая.

Арвин кивнул:

– Я сходил с ума, пытаюсь разгадать эту загадку.

– А почему вы не отправились к вашей семье? – не выдержала Тая.

– Я их искал... Вы представить себе не можете... Как. Где

я только не был. Миры, страны, города. Я подчинил себе магию, хотя ненавижу ее всей своей сущностью. Я бродил, манипулируя людьми, добывая средства на дальнейшие поиски – все напрасно! Я был богат и влиятелен. Не только в вашем мире, Тая. Вопросы морали меня особо не волновали. Жена и дети являлись мне во снах. Но я так и не нашел никаких следов. Совсем...

– Возможно, те, кто изгнал вас, это предусмотрели, – задумчиво проговорил Милфорд. – Нам необходима помощь милорда Швангау. Пусть вас посмотрит. Думаю, он сможет понять, в чем дело. Но сначала придется уговорить Фредерика Тигверда оставить вам жизнь. Он очень болезненно относится к нападениям на своих родственников.

– Но почему мы оказались именно в Ваду? – растерянно проговорил Арвин, словно и не слыша того, что сказал Милфорд.

– Так это не вы нас сюда перебросили.

– Нет. С того момента, как меня изгнали, куда-куда, а в родной мир я возвращаться не желал.

– Я тоже не строил портал в мир летающих песков, – нахмурился Милфорд и вопросительно посмотрел на Таю.

– Я? – изумилась девушка.

– Пустота была твоя. И из замка мы могли переместиться туда, куда ты пожелала бы.

– Но я не умею! Это не я!

– Что ты пожелала?

– Не знаю. Не помню! Чтобы все были живы и счастливы!

– Ладно. В любом случае надо отсюда убираться. Места небезопасные. Я выстрою портал в империю.

– Я готов сдаться, – склонил голову король.

– Еще успеете, – вздохнул маг.

Глаза вспыхнули синим, подземные потоки запели под ногами, вздохнула земля и... Ничего не произошло.

– Ничего не выходит, – растерянно прошептал милорд. – Стихии!

Мужчины заметили испуганный и ошеломленный взгляд девушки.

– Тая... – бросился к ней маг. Обнял ее, понял, что она дрожит.

– Эдвард? Что же нам теперь делать?

* * *

– Отдохни, – Эдвард кивнул на поваленное дерево.

– Позвольте мне. – Его величество Арвин Эйш снял с себя куртку и кинул на песок.

Тая раздраженно дернула плечом. Эдвард перед тем, как они пошли искать место, где можно расположиться, уже укутал ее в свою верхнюю одежду, и теперь смотрел на предположившего ей куртку короля как на врага народа. Интересно... друг он все же или враг?

Как птичка, угнездилась на куртке Эйша, плотнее запах-

нув на себе... не то сюртук, не то камзол. Неважно. Эдвард был таким высоким и широкоплечим, что на ней это смотрелось как плащ-палатка! Ткань была теплой, черной, бархатистой, пахла морем и малиновым листом. Невозможное, казалось бы, сочетание... Но это так! Она готова поклясться своей шпагой и третьим местом на Российском чемпионате.

И почему она не надела джинсы? Ведь не вылезала из штанов всю неделю. В платье в лесу – совсем не фонтан. Хорошо еще, что она туфли на каблуках терпеть не может. Тая посмотрела на мокрые, черные от пепла-песка кеды, порванное, запачканное кровью платье...

– Арвин, на вас разведка, – проговорил Милфорд. – Надо понять, где мы находимся, как далеко до жилья. Желательно раздобыть какую-нибудь одежду, чтобы не выделяться. Лес занесен песком. Хорошо еще, что река рядом.

Король в изгнании кивнул и ушел.

Маг присел напротив девушки. Спутанные волосы. Испуганные глаза. Бедняжка... Захотелось погладить ее по голове, но он почему-то сдержался. Вместо этого заговорил, стараясь, чтобы голос звучал мягко и успокаивающе:

– Не бойся, слышишь? Все хорошо. Сейчас я разведу костер, добуду что-нибудь. Есть хочешь?

– Глупый вопрос, милорд! Я голодная, как волк! Так же, как Эйш и вы сами! – Пока он, открыв рот, приходил в себя от того, с каким пылом огрызнулось прекрасное создание, юная леди встала, и, перехватив поудобнее шпагу, направи-

лась в лес, крикнув через плечо:

– Я нарублю лапника и разведу костер!

Шпагой, даже острой и очень боевой, рубить небольшие деревья, похожие на земные елки, было очень неудобно. Эх, нормальный бы топор сюда...

Маг сидел у реки, мысленно отдавая приказ воде гнать рыбу ближе к берегу. В лесу раздавался... Стихии! У нее даже топора нет! Вот... упрямая! Дерзкая... Милфорд улыбнулся. Вспомнил Веронику. Интересно, в этом мире все женщины такие непокорные и деятельные? Снова прикрыл глаза. Приказал подземным течениям размыть корневую систему. Почувствовал, как несколько небольших деревьев упали в песок. Скоро Тая на них наткнется. Придется брать хитростью и магией. Иначе он не победит такого серьезного противника. Мужчина снова улыбнулся. Счастливо. Светло. Искренне.

Отрубив пару веток, Тая поняла, что у нее дико болят кисти рук. Так она долго не выдержит. Всего две ветки! А ей нужно устроить настил для ночлега, костер развести. Позвать на помощь Эдварда? Да ни за что! Она снова взмахнула шпагой, и вдруг... Вот это удача – несколько маленьких деревьев с вывороченными из земли корнями просто лежали в песке. Их же можно просто оттащить, а уж ветки она как-нибудь отрубит! Странно... Она же тут осмотрела все. Не было раньше этих деревьев...

Когда Эдвард подходил к месту их привала, огонь уже весело потрескивал, аккуратно обложенный камнями. Надо же... Чуть поодаль были уложены ветки для ночлега. Девушка сидела, привалившись спиной к дереву. Услышав его шаги, обернулась. Эдвард вздрогнул. Синяки под глазами, кровь на лодыжке. Разорви меня Пустота...

– Держи. – Перед Таем появилась большая, сверкающая чешуей рыба.

– Ух ты! – Девушка вскочила так, как будто не сидела только что обессиленная, тяжело дыша. – А еще сможешь? Нам этого мало...

– Только прикажите, – и мужчина утонул в глубоком поклоне.

Сделал он это так изящно, что Тая невольно залюбовалась...

– Принеси мне рыбы, и побольше! – Она царственно вздернула подбородок и жестом указала в сторону реки.

– Поцелуй за каждую! И один у меня уже есть....

Они целовались. Он носил рыбу. Она ее чистила, а он опять целовал, держа ее руки за запястья, чтобы не испачкаться. Потом смотрел, как она ловко потрошит рыбину на стволе дерева, как солнечный лучик закатного солнца, пробиваясь сквозь ветки, касается смуглой щеки, и крошечными брильянтами вспыхивают прилипшие к ней рыбы чешуйки. Эдвард так залюбовался, что не сразу понял, что девушка не просто чистит рыбу, а что-то ему увлеченно рас-

сказывает:

– Мы с папой те еще туристы. Он другого отдыха не признает. Машиной от всех подальше. Палатка. Озеро или река. Рыбалка. Мы обмазывали рыбу глиной и пекли в углях. Вкуснотища! Вот увидишь! Надо глину найти... Тут один песок. Может, у реки? Что? – Она вдруг смутилась, поймав его пристальный взгляд.

Эдвард только покачал головой:

– Пойду за глиной. Видел что-то похожее у воды.

Когда Арвин вернулся к ним, уже стемнело. Рыба была готова, а костер весело трещал хворостом, которым его подкармливали.

– Жалко, шлем мотоциклетный потерялся, – поприветствовала короля в изгнании Тая.

Арвин вопросительно посмотрел на Милфорда как на единственного здравомыслящего человека.

– В нем можно было бы воду носить, – пояснила девушка. – А может, и вскипятить.

– Вот это вряд ли. – Арвин потянулся за рыбой, которую Тая завернула в большой плотный лист, похожий на лист лопуха.

Голодный король ел и думал, что даже если бы шлем уцелел, он бы ни за что им не пожертвовал. Даже в такой ситуации. Мотоциклы были его страстью.

– Есть! Соль! Я нашла соль! – взвизгнула Тая. – И сахар! В пакетиках...

– Готовилась выживать в лесу? – удивился Эйш.

– Нет. Захотелось гадости из фастфуда. Там мне дали и перец в пакетиках, и соль. И сахар.

– Макдональдс?

– Не угадали! KFC! Там кофе вкуснее.

Милфорд нахмурился. Эйш жил в мире Таи долго. Успел привыкнуть. Эти двое говорили на каком-то своем языке о том, что любили. И он... заревновал. Как мальчишка.

– Где мы? – спросил начальник имперской контрразведки в отставке, чтобы сменить тему.

– Заповедные леса неподалеку от Рассветных гор, – тяжело вздохнул Арвин.

– Населенные пункты?

– Около тридцати ньеров до небольшого городка на северо-востоке. Город покрупнее у подножья гор. Есть пара деревень по кромке леса. Что с кордонами лесников и расположениями военных – не знаю. Столько лет прошло...

– А раньше?

– Особо в эти леса не совались.

– На мой взгляд, нам разумнее всего отсидеться где-нибудь здесь, – задумчиво протянул Милфорд. – Не вступая в контакт с местными жителями. Пока не прибудет помощь.

– Думаю, это здраво. Встреча с моими соотечественниками нам грозит крупными неприятностями, – поддержал король. – Во-первых, мы не так одеты. Во-вторых, все трое – маги. Если в Ваду об этом узнают – смерть.

– Но может, все-таки стоит пробраться в город, – предложила Тая. – Раздобыть одежду, теплые вещи. Котелок какой-нибудь. А потом уже скрываться в лесах?

– Узнать вообще, что в этом мире происходит, – кивнул Эдвард.

– Риск, – поморщился Арвин.

Мужчины возились до глубокой ночи, сооружая шалаш для ночлега. Наконец все улеглись, но Тая, как только услышала ровное, размеренное дыхание у себя за спиной, тихонько выскользнула, прихватив свой рюкзачок. Хорошо, что она никогда не выходит из дома с пустыми руками. Отец научил. Подарил маленький рюкзак со всем необходимым: зажигалка, перочинный ножик.

Раньше она как-то не задумывалась о том, что папа научил многому. Он был строгим. Тая выросла и стала злиться. За то, что за ней по пятам ходили его люди. За то, что он не разговаривал с ней о маме. Не читал ее стихи, слышать не хотел о ее снах, запрещал видиться с тетей. А сейчас... Сейчас отца не хватало. Молчаливого, сильного и... любящего.

– Не спится? – Эдвард сел рядом, обнял за плечи.

Девушка вспомнила их поцелуи и покраснела. Хорошо, что темно... Костер трещал сухими ветками.

– Не могу... Только закрываю глаза – слышу чей-то стон.

– Из-под земли?

– Откуда ты знаешь?

– Тоже слышу. Это стонет Земля страны Летающих Песков. Этому миру нужна помощь.

– Я думала, помощь нужна Эйшу.

– И ему тоже. Ты – маг огня? Как ты разожгла костер?

– Зажигалкой. Я вообще не маг.

– Маг. И очень сильный. Я знаю, тебе тяжело. Но... постарайся это принять. И еще. Я всегда буду с тобой.

Костер потух. Звезды смущенно погасли, и Земля Страны Летающих Песков уснула. Слишком нежной была Песнь Любви юной чкори и водного мага. Как тихая, добрая колыбельная...

– Отдохни, – прошептал ей Эдвард.

Глава 6

Звезды... Яркие! Голубые! И висят так низко, кажется, протянешь руку – и можно взять одну. Самую маленькую. В карман. На счастье...

А по звездам шел манул. Будто сотканный из лунного света, зверь ступал мягкими, широкими лапами по предрасветному небу, все ближе и ближе подплывая к хозяйке.

Девушка запустила пальцы в глубокий мех. Как там тепло! Низкое, бархатное урчание, в холодных глазах – улыбка.

– Слушай, – наклонилась она к круглому уху, – а ведь это ты забросил нас в Ваду. Не Эдвард, не Арвин. И уж тем более не я. Почему ты решил, что нам нужно оказаться здесь? Молчишь? Не знаешь? Вот и я не знаю...

Кот лизнул ее в щеку, оставив влажный, холодный след.

Тая вздрогнула. Села, морщась от боли – от неудобной позы затекла шея, по щеке текла слеза. Она что, плакала во сне? Странно... Сон был таким милым. Манул, звезды. Девушка выбралась из шалаша, ежась от холода. Эдварда рядом не было. Наверное, тоже замерз и пошел к костру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.